

П.П. ЧЕРКАСОВ

“ОДИССЕЯ” МАРКИЗА ДЕ ЛА ШЕТАРДИ В РОССИИ (1739–1744 годы)

“ВАША ДОБРАЯ СЕСТРА И СОВЕРШЕННАЯ ПРИЯТЕЛЬНИЦА АННА”

Утром 16 декабря 1739 г. в Санкт-Петербург прибыл новый посол Христианнейшего короля Франции маркиз де Ла Шетарди. Как свидетельствуют дипломатические архивы, “въезд он имел без всякой церемонии и без публики”¹. Ничто не предвещало того, что окончание посольской миссии Шетарди будет сопровождаться громким скандалом, поставившим под угрозу отношения между двумя дворами, незадолго до этого нормализовавшиеся после длительного охлаждения в результате войны за Польское наследство (1733–1735 гг.).

Занимавшая в то время русский престол императрица Анна Иоанновна была преисполнена чувством признательности к королю Франции Людовику XV за содействие в окончании двухлетней изнурительной войны с Османской Портой. При этом Анну Иоанновну несколько не смущало, что по Белградскому мирному договору, заключенному 18 сентября 1739 г. стараниями французского посла в Константинополе маркиза де Вильнёва, Россия вынуждена была отказаться от большей части своих завоеваний в Крыму и Молдавии. Более того, согласившись на французскую “медиацию”, царица доверила подписание договора от имени России не кому-то из своих дипломатов, а все тому же маркизу де Вильнёву. “Белградский договор, – отмечал французский историк А. Вандаль, – являет собой высшее проявление искусства французской дипломатии восемнадцатого века... Французское вмешательство на Востоке остановило Россию на пути в Константинополь”².

По одним лишь ей ведомым причинам Анна Иоанновна гордилась заключенным договором, который не только спас Турцию, исторического союзника Франции, от неминуемого разгрома, но и на три с половиной десятилетия отсрочил утверждение России на берегах Черного моря. Поэтому не случайно маркиз де Вильнёв, истинный творец этого договора, во французских трудах по истории дипломатии упоминается среди самых удачливых дипломатов Франции.

Русская императрица демонстрировала свое полное удовлетворение заключенным миром: удостоила маркиза де Вильнёва высшего российского ордена св. Андрея Первозванного, а 22 октября 1739 г. отправила благодарственное письмо своему “любезнейшему брату” Людовику XV. В письме говорилось: “Получа приятное известие, что 7/18 прошедшего сентября между Нами и Портою Османскою блаженно мир под высокою Вашего Королевского Величества медиацией и гарантией счастливо восстановлен и подписан, Мы весьма отложить не хотели Вашему Королевскому Величеству не

Черкасов Петр Петрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 93/1. Сношения России с Францией. 1739 г., д. 10а, л. 10.

² Вандаль А. Императрица Елизавета и Людовик XV. М., 1911, с. 105.

засвидетельствовать о Нашем в том совершенном удовольстве и о тех великих обязательствах, которые Мы Вашему Королевскому Величеству имеем... Мы Вашему Королевскому Величеству за то истинное Наше благодарение отдаем, и как Мы Вашу дружбу всегда по особливом высокопочитании имели, так и оную содержать несомненно прилежать будем и ничего с нашей стороны не оставим, что к лучшему культивированию и к вящему утверждению оной к взаимной пользе служить может. Мы Ваше Величество просим об истинности сих наших сентиментов совершенно обнадеженными быть и в прочем Мы Бога всемогущего просим, дабы Он Вашего Величества высокую персону до самой высочайшей человеческой жизни милостиво содержать и Ваше правительство во всем постоянно благословить и благополучно быти благоволил". Далее следовала подпись: "Ваша добрая Сестра и совершенная приятельница АННА"³.

Миссию по упрочению наметившейся тенденции к потеплению русско-французских отношений Анна Иоанновна возложила на своего посланника в Париже князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, отправленного к версальскому двору еще в сентябре 1738 г.⁴

Между тем в Версале медлили с назначением в Санкт-Петербург дипломатического представителя, что вызывало растущее недоумение у Анны Иоанновны. Поначалу кардинал де Флери, первый министр Людовика XV, намечал на роль посла в Россию графа де Вогренана. Неожиданный отказ графа принять предложенный пост вынудил кардинала Флери и министра иностранных дел Амело де Шеллу заняться поисками новой кандидатуры, что потребовало времени. Наконец, такая кандидатура была найдена, о чем кардинал Флери известил вице-канцлера графа А.И. Остермана письмом, датированным 23 апреля 1739 г. Французский министр выражал надежду, что выбор, сделанный королем, будет приятен императрице и ее вице-канцлеру. Особо он отметил "полный ума и мягкости характер" назначенного посла⁵. Человеком, на которого пал королевский выбор, был маркиз де Ла Шетарди.

Жак-Иоахим Тротти, маркиз де Ла Шетарди родился в 1705 г. Он принадлежал к знатному аристократическому семейству, имевшему корни в Пьемонте, откуда в 1487 г. предки маркиза переехали во Францию и в скором времени заняли видное положение при французском дворе. Родной дядя маркиза, аббат Иоахим де Ла Шетарди, был духовником мадам де Ментенон, морганатической супруги "короля-солнца" Людовика XIV.

В 1721 г. юный Шетарди в чине лейтенанта начал военную карьеру в королевской армии и к 1734 г. дослужился до полковника. Благодаря протекции тестя, занимавшего посольские должности при различных европейских дворах, Шетарди начиная с 1731 г. выполнял разовые дипломатические поручения, а в 1734 г. получил назначение в Берлин в качестве посланника Людовика XV при дворе прусского короля Фридриха-Вильгельма I.

На этом посту он не обнаружил больших дипломатических талантов. Ему не удалось решить главную задачу, которая была на него возложена, – склонить короля Пруссии к поддержке Станислава Лещинского в Польше в период войны за Польское наследство. Зато Шетарди приобрел в Берлине репутацию завсегдатая салонов, светского льва и покорителя женских сердец. Прусская аристократия видела в нем эталон вкуса и образец утонченной французской галантности. В письме к Вольтеру кронпринц Фридрих (будущий Фридрих II) аттестовал Шетарди как "очень приятного малого".

³ АВПРИ, ф. 93/1. Сношения России с Францией. 1739 г., д. 4, л. 154об.–155.

⁴ О нем см.: *Александренко В.Н.* А.Д. Кантемир. Варшава, 1896; *Майков Л.Н.* Материалы для биографии кн. А.Д. Кантемира. СПб., 1903; *Покровский В.И.* А.Д. Кантемир. Его жизнь и сочинения. М., 1905; *Радовский М.И.* Антиох Кантемир и Петербургская академия наук. М. – Л., 1959; *Бобынз Г.Е.* Философские воззрения А. Кантемира. Кишинев, 1981.

⁵ Текст письма см. *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française* (далее – *Recueil des instructions...*). – Avec une Introduction et des notes par A. Rambaud, t. 8. Paris, 1890, p. 340–341.

Уже в то время у Шетарди обнаружились наклонности авантюриста, зачастую пренебрегавшего министерскими инструкциями и действовавшего по своему разумению, далеко не всегда здоровому. “Ла Шетарди, – писал о нем Вандаль, – олицетворяет собой, в преувеличенном виде, главнейшие черты светского француза восемнадцатого века. То офицер, то дипломат и прежде всего царедворец, где бы он ни был, он везде обращал на себя внимание. Страстный любитель общества, где его наружность и любезность обеспечивали ему шумный успех и где у него имелось столько же друзей, сколько и врагов, приобретал первых своей обходительностью и обаятельностью своей личности, а вторых – своим неустойчивым и вспыльчивым характером. Одаренный сообразительностью быстрой и тонкой, умом проникательным и суждением ложным, легкомысленным, рискованным, самоуверенным, взбалмошным, необдуманным, он готов был пожертвовать всем – желанию блистать и играть роль. Он бросался в самые смелые предприятия, не взвешивая их последствий, и благодаря опрометчивости не пожинал плодов своей изворотливости. При этом надменный, высоко ставящий свое положение и связанные с ним прерогативы, упорный во всем, что касалось церемониала, он на пустяки обращал серьезное внимание, а к делам относился пренебрежительно. К сожалению, – завершал свою нелицеприятную характеристику маркиза французский историк, – его дипломатические приемы слишком часто походили на салонную интригу, в чем ему не раз приходилось раскаиваться”⁶.

Справедливость оценки Вандалем французского посла полностью подтверждается плачевными итогами миссии Шетарди в России.

Прибывшего в Петербург французского посла сопровождали 12 секретарей, 8 капелланов, 6 поваров, 50 ливрейных камер-пажей, камердинеров и других слуг. В огромном посольском обозе было доставлено несколько тысяч бутылок отборных французских вин. Годового содержания в 50 тыс. ливров, определенного Шетарди королем, было явно недостаточно для удовлетворения непомерных запросов и претензий тщеславного маркиза, рассчитывавшего произвести надлежащее впечатление на петербургский высший свет.

Никем не замеченный въезд в столицу Российской империи маркиз Шетарди намеревался компенсировать торжественным приемом, который, как он рассчитывал, ему должны были оказать при вручении верительных грамот. В первый же день, ссылаясь на королевскую инструкцию, он потребовал публичной, т.е. в присутствии всего двора, с участием гвардии и представителей петербургского общества, аудиенции у императрицы Анны Иоанновны, которой намеревался вручить свои верительные грамоты. В Коллегии иностранных дел Шетарди было сказано, что подобная процедура допустима лишь в исключительных случаях, когда само прибытие иностранного посла в Санкт-Петербург по предварительной договоренности обставляется торжественным образом. Маркиз же приехал незаметно, можно даже сказать, партикулярно, поэтому у него нет оснований настаивать на публичной аудиенции, к тому же наступают Рождественские праздники, а до их окончания такие аудиенции обычно не даются. Дополнительно и сугубо конфиденциально посла проинформировали, что государыня недомогает и следует дожидаться ее выздоровления.

Шетарди упорствовал, не желая принимать во внимание никаких доводов, которые ему приводил вице-канцлер граф А.И. Остерман. Изнурительные переговоры по этому сугубо протокольному вопросу продолжались 10 дней. Спор между двумя сторонами грозил затянуться, но тут вмешалась сама императрица. Невзирая на изнурявшую ее в последнее время болезнь, она милостиво согласилась отступить от принятых при дворе правил и дать маркизу торжественную аудиенцию. Анна Иоанновна, как мы уже знаем, испытывала тогда признательность к Франции, чье посредничество облегчило ей заключение мира с Портой, и была преисполнена благодарности к “Доброму Брату, Королю Лудовику” за то, что он, сам того не ведая, своим посредничеством в достижении мира помог спасти Россию от финансового краха. Так полагала императрица.

⁶ Вандаль А. Указ. соч., с. 108–109.

Но была и еще одна, быть может, более серьезная причина, побудившая Анну Иоанновну пойти навстречу пожеланиям Шетарди: угроза войны со Швецией. Русская дипломатия в то время прилагала немалые старания, чтобы отвести эту опасность, и очень рассчитывала на сдерживающее влияние версальского двора, к чьим советам в Стокгольме всегда прислушивались.

Так или иначе, но амбиции посла Людовика XV были удовлетворены. В 10 часов утра 27 декабря он получил у императрицы желанную “публичную” аудиенцию, в организации и проведении которой были задействованы сотни человек. В архиве сохранился любопытный документ – “Церемониал аудиенции французского посла маркиза де Ла Шетардии 1739 года”⁷. В нем детально расписана вся сложная процедура, связанная с вручением верительных грамот в формате, как бы мы сейчас сказали, публичной аудиенции.

Посол со своей свитой прибыл в резиденцию императрицы на предоставленных в его распоряжение трех царских каретах, в сопровождении комиссара, адмирала графа Головина и под эскортом двух отрядов конной гвардии. Кареты сопровождали 4 скорохода, 4 гайдука, 4 императорских пажа и 24 дворцовых лакея. У въезда во дворец посольский кортеж встретили обер-гофмаршал и обер-шталмейстер высочайшего двора, которые ввели посла в аудиенц-залу, где собрались “знатнейшие персоны двора”, генералы, сенаторы и “другие знатнейшие персоны”. “Господин посол, – читаем мы в Церемониале, – имея по правую руку господина обер-гофмаршала и по левую – господина обер-шталмейстера и господина Комиссара, отправляет, подходя к трону, три обыкновенные поклона, всходит потом токмо один на самый верх трона и тамо свою речь обыкновенным образом отправляет, после чего он свою верующую грамоту Ея Императорскому Величеству подает.

Ея Величество ону на стол, по правую свою руку стоящий, класть изволят и, подав знак князю Черкасскому, своему действительному тайному советнику и кабинетному министру, внизу трона стоящему, чтоб господину послу ответствовать. Сей князь оное исполняет.

Господин посол потом представляет Е. И. В-ву кавалеров своей свиты, а по допущении их к руке Е. И. В-ва [аудиенция] оканчивается, и господин посол, с трона сошед, и паки три поклона отправляет прежним порядком из аудиенц-залы до кареты назад провожается. И в таком же порядке и с тою же свитою, как выше сего изображено, под препровождением господина Комиссара в квартиру свою возвращается”.

В речах, которыми обменялись посол и князь Черкасский, содержались заверения в намерении двух дворов их “дружбу ненарушимо содержать”⁸.

С аудиенции у императрицы официально началась миссия маркиза де Ла Шетарди в России.

Он прибыл туда в последний год царствования бездетной Анны Иоанновны. Полученная Шетарди инструкция предписывала ему всеми средствами стараться расстроить русско-австрийский союз, заключенный еще в 1726 г., и одновременно действовать в пользу Швеции, ближайшего союзника Франции на севере Европы. Инструкция, составленная Флери и Амело, не оставляла у Шетарди никаких иллюзий в истинности намерений версальского двора в отношении Петербурга. В ней четко и недвусмысленно подчеркивалось, что король “не считает необходимым, по крайней мере в настоящее время, заключать особые обязательства с Россией”⁹. В инструкции говорилось и о возможности государственного переворота в России после ожидаемой в скором времени смерти часто недомогавшей императрицы: “Состояние России еще не настолько прочно, чтобы не опасаться там внутренних переворотов”¹⁰. Шетарди вменялось в обязанность следить за борьбой дворцовых группировок в Петербурге, обратив особое внимание на

⁷ АВПРИ, ф. 93/1. Сношения России с Францией. 1739 г., д. 10а, л. 12–15.

⁸ Тексты речей на русском и французском языках см. там же, л. 24–30.

⁹ Текст инструкции от 1 июля 1739 г. см. *Recueil des instructions...*, t. 8, p. 341–353.

¹⁰ *Ibid.*, p. 346.

цесаревну Елизавету Петровну и ее сторонников из так называемой “русской партии”, оттесненной от трона “немецкой кликой”, приверженной австрийскому союзу.

Выполняя данное указание, сразу же после аудиенции у Анны Иоанновны Шетарди отправился с визитом к Елизавете, чем вызвал недовольство императрицы. В этом усмотрели не столько дань общепризнанной красоте цесаревны, сколько долгосрочный политический расчет. 34-летний красавец-посол произвел весьма благоприятное впечатление на 30-летнюю дочь Петра Великого. Она с удовольствием поболтала с ним по-французски, чему была обучена с детских лет. Известно, что Петр Великий намеревался выдать Елизавету за юного Людовика XV, но в Версале откровенно пренебрегли русской невестой, предпочтя дочь изгнанного Петром из Польши Станислава Лещинского. Несмотря на очевидное унижение ее достоинства, Елизавета сохраняла привязанность ко всему французскому, а знакомство с эlegantным маркизом лишь укрепило ее франкофильские чувства, никем при петербургском дворе больше не разделявшиеся.

И лишь третий свой визит Шетарди нанес племяннице императрицы, Анне Леопольдовне, которой вскоре суждено будет стать правительницей России. Этот визит был не столь успешным, как два предыдущие. Анна Леопольдовна не благоволила к Франции и, соответственно, к ее послу.

Первоначальное впечатление обаяния, произведенное Шетарди на высший петербургский свет, довольно скоро улетучилось, уступив место настороженному отношению к маркизу. Из Стокгольма приходили тревожные известия о воинственных настроениях в Швеции, в пользу войны с Россией за пересмотр Ништадтского мира 1721 г., а из Парижа – о фактической, через субсидии, поддержке этих настроений кабинетом Людовика XV. Князь Кантемир постоянно предупреждал императрицу и графа Остермана о неискренности заверений в “почитании и дружбе” короля Франции. “Ваше Величество легко судить изволит, – писал русский посол Анне Иоанновне в июле 1740 г., – что от здешнего двора никакой пользы себе ожидать не может. Если в некоторых случаях и являются склонны к интересам нашим, – продолжал он, – то для того только, что удерживать Вас от вступления с другими державами в какие-нибудь обязательства, здешним видам противные. Когда же опасность таких обязательств минется, то и ласкательство прекратится”¹¹.

Кантемир отчетливо понимал скрытый смысл политики Флери в отношении России – расстроить ее союз с Австрией. “С глаз своих здесь не спускают, – писал русский посол, – что во всей Европе только одна наша сила здешнюю в равновесии держать может и что Ваше Величество в теснейшем союзе с Цесарем находится, отчего на Вас смотрят, как на главнейшее препятствие к совершенному унижению Австрийского Дома, что всегда было главною целью здешнего Двора. Из чего легко заключить, что, когда случай представится для уменьшения Вашей неприятной силы, то или под рукою, или явно, смотря по обстоятельствам времени, его не пропустят”¹².

Суждения князя Кантемира о целях Франции полностью совпадали с мнением не благоволившего к послу вице-канцлера Остермана, зорко стоявшего на страже русско-австрийского союза, который он считал незыблемой основой российской внешней политики.

Тем временем Шетарди прилагал немалые усилия, чтобы произвести должное впечатление на русских, пуская им пыль в глаза. Из правил этикета и церемониала, превращенных им в едва ли не главный смысл своей дипломатической миссии, создалось множество проблем в отношениях Шетарди с министрами Анны Иоанновны. Он постоянно поучал и наставлял их в правилах хорошего тона, заносчиво требуя особого к себе отношения, и вскоре министры и сановники постепенно перестали посещать его дом, где тщеславный маркиз устраивал пышные и дорогостоящие приемы.

¹¹ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XIII. Трактаты с Францией. 1717–1807. СПб., 1902, с. 50.

¹² Там же.

Когда Шетарди заметил, что число его именитых гостей раз от разу убывает, он встревожился и обратился к графу Остерману с претензией по поводу недружелюбия, проявляемого к послу короля Франции со стороны высшего петербургского общества, а затем прямо сказал Остерману, что усматривает в этом приказ свыше – не посещать французское посольство. О своих разговорах на эту тему с вице-канцлером Шетарди с досадой сообщал французскому министру иностранных дел Амело.

Посол, видимо, настолько надоел Остерману своими претензиями и подозрениями, что вице-канцлер раздраженно пообещал ему выхлопотать у государыни специальное повеление придворным чинам и министрам в обязательном порядке отзываться на приглашения из посольства Франции. Обещание свое Остерман сдержал, получив от императрицы формальное распоряжение относительно посещения приемов, устраиваемых маркизом де Ла Шетарди.

Высочайшая воля была исполнена без промедления, и с тех пор на приемах во французском посольстве было уже не протолкнуться: дом Шетарди заполнили камергеры и камер-юнкеры, тайные и действительные статские советники, сенаторы, генералы и адмиралы с женами. Приглашенных ждали изысканное угощение, тонкие вина, музыка, фейерверки и иллюминация. Между прочим, каждая такая иллюминация обходилась послу в 1300 ливров, и за несколько недель он истратил на них более 10 тыс. ливров.

Однако сей нескончаемый праздник не соответствовал реальному состоянию отношений между двумя дворами. Французская дипломатия продолжала плести антирусские интриги в Стокгольме, а Остерман дополнил старый альянс с Австрией новым союзом с Англией. Все это происходило в то самое время, замечал Ф. Мартенс, “когда маркиз Шетарди писал своему правительству длинные жалобы на то, что его карету не пустили во внутренний двор императорского дворца, что его лакеев не пустили следовать за ним чрез императорский сад и что он не пошел на представление немецких комедиантов, игравших при дворе, потому что ему не предоставили достаточно почетного места. Эти вопросы этикета интересовали маркиза Шетарди несравненно больше всех вопросов политики и взаимных отношений Франции и России”¹³.

“ПАРТИКУЛЯРНАЯ И СЕКРЕТНАЯ АУДИЕНЦИЯ” У МЛАДЕНЦА-ИМПЕРАТОРА

17 октября 1740 г. давно болевшая Анна Иоанновна умерла. В соответствии с оставленным завещанием престол перешел к ее внучатому племяннику Иоанну (Ивану) Антоновичу, сыну Анны Леопольдовны и герцога Брауншвейг-Люнебургского Антона-Ульриха. Младенцу было чуть более двух месяцев. Регентом до его совершеннолетия Анна Иоановна назначала своего фаворита, герцога Э.И. Бирона. Управлять ненавидевшей его страной ему довелось совсем недолго. Не прошло и месяца, как в результате дворцового переворота, осуществленного генерал-фельдмаршалом графом Х.А. Минихом, Бирон был свергнут и арестован, а регентшей при Иване VI была объявлена его мать, Анна Леопольдовна. Любопытно, что манифест о передаче ей правления был составлен от имени трехмесячного императора.

Однако Миних тоже недолго пожинал плоды своей победы. В результате дворцовых интриг в марте 1741 г. он был выведен из кабинета министров и отправлен в отставку. У руля власти осталась прежняя команда: канцлер князь А.М. Черкасский, вице-канцлер граф М.Г. Головкин, глава Коллегии иностранных дел граф А.И. Остерман.

Итак, судьба огромной империи перешла в руки Анны Леопольдовны – слабой, нерешительной женщины, совершенно подавленной своей деспотичной теткой. Плохо разбираясь в политике, она, тем не менее, выражала откровенную неприязнь к Франции и к ее послу и подчеркнуто демонстрировала симпатии к Англии. По всей видимости, в этом сказалось не только влияние Остермана, но и традиции брауншвейгского дома,

¹³ Там же, с. 54.

издавна конфликтовавшего с версальским двором. Французский посол оказался в сложном положении, которое усугублялось его упрямством и неразумным поведением.

В связи с переменой на российском престоле Шетарди обязан был представить новые верительные грамоты, адресованные Ивану VI. Кстати, при новом дворе Шетарди имел уже ранг не чрезвычайного посла, а полномочного министра и посланника, что само по себе символизировало некоторое охлаждение в двусторонних отношениях.

В Коллегии иностранных дел сочли естественным, чтобы французский посланник, как и все другие иностранные представители в Петербурге, вручил свои верительные грамоты не грудному младенцу, а его матери – правительнице Анне Леопольдовне. Шетарди оказался единственным из иностранных дипломатов, аккредитованных в Петербурге, кто не пожелал подчиниться предложенной процедуре. Он решительно настаивал на официальной аудиенции у императора, вызвав немалое удивление и раздражение своих русских коллег. Его переговоры с Остерманом по данному вопросу зашли в тупик, в связи с чем между двумя сторонами завязалась переписка, продолжавшаяся до весны 1741 г. Сохранившаяся в фондах АВПРИ, она составила пухлый том объемом 222 оборотных листа¹⁴.

Примером утомительных объяснений между сторонами может служить отчет барона Дебраса, уполномоченного Анной Леопольдовной вести переговоры с Шетарди по вопросу о верительных грамотах. Русский дипломат терпеливо разъяснял французскому посланнику, что правительница “все к самодержавству принадлежащие акты действительно отправляет и равномерно Величество и Персону Императора, своего самодержавного сына, наизнатнейшим в свете образом предъявляет и надеется, что Его превосходительство (французский посланник. – *П. Ч.*) за возможное признание у Ея Императорского Высочества (т.е. у Анны Леопольдовны. – *П. Ч.*) аудиенцию взять так, как и прочие чужестранные министры, которые толь наименьшее затруднение в том учинили, что церемонии аудиенциям у самих Монархов такого сущего малолетства никаких примеров в Европе не имеется. На что мне, – продолжал барон Дебрас, – Его превосходительство отвечивал: что, хотя он к такой великой принцессе, как Ея Императорское Высочество, особливо великое высокопочитание имеет, однакож, он в том случае Ея Высочество за презентующую Персону Императора признать не может; понеже присланные к нему королевские указы точно гласят, что, невзирая на сущее малолетство Императора, у Его Величества самого аудиенцию требовать, и тако не может что-либо отменить или указы своего Государя инако перетолковать, и уже не в его власти состоит от требуемой аудиенции у самого Императора отстать”¹⁵.

На встрече с Остерманом Шетарди выставил ряд дополнительных условий. “Я должен предупредить, – заявил он, – что буду обращаться с речью лишь к Царю; я буду его лишь видеть в комнате, и если он не в состоянии сделать мне честь протянуть свою руку для принятия моих верующих писем и двух ответов на его нотификацию, которые мне поручено передать, то я положу их или на одеяло, покрывающее его ноги, или на его колыбель, или на стол, который будет близ него находиться”¹⁶. Затем Шетарди сказал Остерману, что, во-первых, на аудиенции у императора он не станет целовать руку правительницы, а во-вторых, следующую аудиенцию он должен получить у цесаревны Елизаветы Петровны и только после этого – у принца Брауншвейгского, супруга Анны Леопольдовны. Последнее требование маркиз язвительно мотивировал тем, что цесаревна, мол, императорской крови, а принц Антон-Ульрих – лишь брауншвейгской.

Из донесений Шетарди в Париж видно, насколько напряженными, подчас даже отчужденно-враждебными были его “конференции” с Остерманом на протяжении нескольких месяцев, начиная с ноября 1740 г.¹⁷ Атмосферу этих переговоров, безусловно,

¹⁴ АВПРИ, ф. 93/1. Сношения России с Францией. 1741 г., д. 10.

¹⁵ Из отчета барона Дебраса от 14 февраля 1741 г. – Там же, л. 40–40об.

¹⁶ См. *Мартенс Ф.* Указ. соч., т. XIII, с. 57–61.

¹⁷ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (далее – Сборник РИО), т. 1–148. СПб, 1867–1916; т. 96, с. 297–298.

накаляли и полученные вице-канцлером сведения о тайных встречах маркиза с Елизаветой Петровной. Посольский дом Шетарди вновь начал пустеть. Русские сановники, как уже бывало прежде, вдруг перестали отзываться на его приглашения.

В начале мае 1741 г. маркиз получил из Версаля категорическое указание потребовать от Остермана под угрозой разрыва дипломатических отношений вручения верительных грамот лично младенцу-императору. На этот странный ультиматум последовал уклончивый ответ Коллегии иностранных дел, после чего Шетарди прервал всякие контакты с двором и, покинув столицу, обосновался в загородной резиденции. Демарш французской дипломатии в Петербурге предшествовал разрыву Швецией в июле 1741 г. отношений с Россией и объявлению войны, что недвусмысленно указывало на согласованность действий Версаля и Стокгольма.

Возникновение военной угрозы со стороны Швеции побудило Остермана предпринять шаги по смягчению разногласий с Францией и пойти навстречу абсурдным требованиям французского дипломата: Шетарди уведомили о согласии правительницы на его аудиенцию у малолетнего императора. Маркиз прекрасно понимал причину неожиданной уступчивости правительницы. В своем донесении в Париж он откровенно писал о том, что обязан этим исключительно шведам, объявившим войну России¹⁸.

Шетарди возвратился в Петербург и возобновил “конференции” с графом Остерманом. Вскоре было достигнуто долгожданное соглашение, предусматривавшее, что на аудиенции французский посланник “всегда будет обращаться с речью к Его Величеству. Равным образом, он представит ему свои верительные грамоты, и в случае, если нежный возраст Царя не позволит ему, быть может, взять их лично из рук посланника в свои руки, то не представится никаких затруднений к тому, чтобы правительница, сочтя нужным присутствовать при этой церемонии, взяла их сама”¹⁹.

Каждая из сторон имела основание быть довольной собой в достигнутом компромиссе, полагая, что не поступилась принципами.

14 августа 1741 г., через два дня после торжественного празднования дня рождения Иоанна Антоновича (ему исполнился год), Шетарди получил “партикулярную и секретную аудиенцию” у императора в присутствии Анны Леопольдовны, которая держала сына на руках. Шетарди произнес перед напуганным младенцем обращенную к нему речь и благосклонно выслушал ответ, зачитанный от имени императора²⁰. Вопреки прежним своим настояниям, французский посланник передал верительные грамоты в руки правительницы и после несколько затянувшейся паузы поцеловал ей руку. Вечером в императорском дворце был устроен бал, на котором Шетарди о чем-то непринужденно беседовал с Анной Леопольдовной, но эта непринужденность, конечно же, не могла скрыть от посвященных натянутый характер отношений между французским посланником и петербургским кабинетом. Шетарди вынудили пойти еще на две протокольные уступки: согласиться на аудиенцию сначала у принца Брауншвейгского, а потом уже – у Елизаветы Петровны.

Вскоре от князя Кантемира в Петербурге узнали о недовольстве Шетарди своим положением в российской столице, на что он жаловался в письмах кардиналу Флери, который в свою очередь выразил недовольство русскому посланнику. В АВПРИ сохранился любопытный документ на эту тему, где говорится: “По кардинальским князю Кантемиру изъяснениям жалобы маркиза де Ла Шетардия в том состоят: 1. что к нему холодность и мало аттенции показывается; 2. что на его обедах министры и придворные присутствовать не хотели; 3. что он в великом уединении живет и все его избегают; 4. что из всех чужестранных министров он, Шетардий, последним допущен был к Ея Императорскому Высочеству Государыне Великой княгине и принят был с холодно-стью”²¹.

¹⁸ Мартенс Ф. Указ. соч., т. XIII, с. 61.

¹⁹ Там же, с. 61–62.

²⁰ АВПРИ, ф. 93/1. 1741 г., д. 10, л. 210–212.

²¹ Там же, л. 109.

Вежливая “холодность”, проявляемая к французскому посланнику со стороны министров Анны Леопольдовны, сохранялась вплоть до событий 25 ноября 1741 г., когда в результате дворцового переворота на российский императорский престол взошла Елизавета Петровна.

ШЕТАРДИ И “ДВОРЦОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ” 25 ноября 1741 г.

В исторической литературе, в частности у П.В. Безобразова и А. Вандаля, можно встретить мнение о решающей роли Шетарди в государственном перевороте 25 ноября 1741 г.²². Думается, это явное преувеличение. Конечно, с самого своего приезда в Россию Шетарди видел в Елизавете одну из реальных кандидатур на трон Петра Великого, но, чтобы прийти к выводу о шаткости позиций брауншвейгской фамилии в России и о возможности переворота, ему потребовалось некоторое время. Кроме того, Шетарди полагал, что переворот возможен не в пользу Елизаветы, а в пользу юного герцога Голштинского Петра-Ульриха, внука Петра I. Лишь в середине августа 1741 г., после своего возвращения в Петербург из добровольной загородной ссылки, маркиз окончательно убедился, что ставку надо делать именно на Елизавету, вокруг которой объединялись все недовольные засильем немцев в России. Во всяком случае в шифрованном донесении в Версаль от 19 августа 1741 г. Шетарди впервые со всей определенностью написал о Елизавете, что “эта принцесса могла бы занять трон”²³.

В Версале одобрили намерение своего посла способствовать приходу к власти Елизаветы Петровны и возглавляемой ею “русской партии”, считая, что, пока Россией правит немецкая клика во главе с брауншвейгским семейством, нет никаких надежд на расторжение русско-австрийского союза, что стало особенно важно в условиях разгоравшейся в это время в Европе войны за Австрийское наследство. Амело де Шеллу дал указание Шетарди немедленно признать официально дочь Петра Великого “государыней” в том случае, “если произойдет ожидаемая революция в пользу принцессы Елизаветы”²⁴. Одновременно посланнику предписывалось соблюдать крайнюю осторожность, не вовлекаться непосредственно в заговор и уж, тем более, ни в коем случае не ставить под угрозу престиж короля Франции.

Какие надежды связывали во Франции с возведением на престол Елизаветы Петровны?

“Кабинетом короля двигало вовсе не сочувствие молодой женщине, которую некогда прочили в невесты Людовику, – отмечает Ф.-Д. Лиштенан, современный французский биограф Елизаветы Петровны. – Под предлогом помощи дочери Петра французские политики стремились внедрить своих доверенных лиц в окружение русской императрицы и таким образом восстановить гегемонию Франции на севере Европы. Для достижения этой цели версальский кабинет натравливал на Россию соседнюю Швецию: со смерти Карла XII две страны постоянно оспаривали одна у другой части территории. Война со Швецией, полагали в Версале, ослабит и без того непрочную российскую власть, представленную императором-младенцем Иваном VI и регентшей Анной Леопольдовной, которую французы считали ставленницей немцев. Возведя на престол Елизавету, французы рассчитывали отстранить от русского двора как советников немецкого происхождения – Остермана, Миниха, Левенвольде, – так и “габсбургскую” партию... Успех операции зависел от посланника Людовика XV маркиза де Ла Шетарди. Он должен был разжигать конфликт в Финляндии, если бы война там разгорелась не на шутку”²⁵.

²² Безобразов П.В. О сношениях России с Францией. М., 1892, с. 159–169; Вандаль А. Указ. соч., с. 136–162.

²³ Archives des Affaires Étrangères (далее – ААЕ). Correspondance politique. Russie. 1741, v. 37, fol. 197.

²⁴ Ibid., fol. 198.

²⁵ Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. Материалы и исследования по истории русской культуры. М., 2000, с. 26.

Переписка Шетарди с кардиналом Флери и Амело подтверждает это мнение, обнаруживая истинные цели французской дипломатии – ликвидацию России как великой державы и оттеснение ее на задворки Европы.

Последующие события со всей очевидностью раскрыли несостоятельность расчетов Версаля и его представителя в Петербурге, а заодно показали полное непонимание французской дипломатией как необратимости петровских преобразований, так и намерений “русской партии”, образовавшейся вокруг Елизаветы. Но прежде чем перейти к изложению событий, необходимо представить саму императрицу.

Младшая дочь Петра Великого родилась в памятном для всех русских 1709 г., когда под Полтавой была одержана решающая победа над Швецией. До 18 лет жизнь Елизаветы протекала счастливо и беззаботно. Она росла, окруженная любовью и заботой родителей и симпатиями двора, чему способствовали ее природная доброжелательность и привлекательная внешность²⁶. “Она заполняла время верховой ездой, охотой, греблей и уходом за своей несомненной, хотя и не очень тонкой красотой, – писал биограф Елизаветы Петровны, польский историк К. Валишевский. – Черты ее лица были неправильны, нос короткий, толстый и приплюснутый, но великолепные глаза украшали и освещали ее лицо. Впоследствии, имея или воображая, что она имеет власть над зрением художников, она не допускала правдивого изображения своего носа на портретах... По той же причине она никогда не позволяла изображать себя в профиль. Но она была хорошо сложена; у нее были красивые ноги, белоснежное свежее тело и ослепительный от природы цвет лица. Несмотря на пристрастие к французским модам, она никогда не пудрила волос; они были того красивого рыжего цвета, что так ценится любителями венецианской красоты. И от всего ее существа веяло любовью и сладострастием”²⁷.

Жизнь Елизаветы резко переменилась со смертью отца в 1725 г., а затем матери – в 1727 г. С воцарением Анны Иоанновны цесаревна была полностью отстранена от всякого участия в государственных делах. При новом дворе ее едва терпели, а за глаза называли незаконнорожденной, имея в виду то, что она, как и ее старшая сестра Анна, родилась раньше, чем их родители пошли под венец. Отчасти по этой же причине расстроились планы Петра и Екатерины выдать младшую дочь за Людовика XV.

Одно время Елизавету даже хотели насильно постричь в монахини. Таким способом крайне подозрительная Анна Иоанновна намеревалась застраховаться от возможного переворота в пользу Елизаветы. От заточения в монастырь ее спас всесильный Бирон, намеревавшийся женить на цесаревне своего сына и тем самым породниться с царской семьей. Впоследствии Елизавета отблагодарит Бирона, смягчив его участь ссыльного.

Опасения Анны Иоанновны были не лишены оснований уже потому, что Елизавета пользовалась популярностью в гвардии. Она часто посещала казармы Преображенского и Семеновского полков, охотно крестила детей знакомых ей офицеров, унтер-офицеров и даже солдат. Именно в их среде Елизавета найдет своих горячих приверженцев и будущих соратников.

Откровенную, быть может, еще большую, чем Анна Иоанновна, неприязнь к Елизавете испытывала 22-летняя правительница Анна Леопольдовна, задумавшая навсегда удалить дочь Петра Великого из России, выдав ее замуж за Людвига Брауншвейгского.

Более 10 лет Елизавета подвергалась всевозможным унижениям, ущемлявшим ее права и достоинство. Длительная бездеятельность и отстраненность от государственных дел, безусловно, сказались на характере этой еще молодой, не утратившей привлекательности женщины. Взойдя на престол, она не имела привычки к регулярному, ежедневному занятию государственными делами и поручила их своим доверенным по-

²⁶ Самое полное описание жизни и царствования Елизаветы Петровны см. *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах, кн. X, XI. М., 1993. См. также: *Валишевский К.* Дочь Петра Великого. М., 1989; *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна, 4-е изд. М., 2005; *Liechtenhant F.-D.* Elisabeth I-re de Russie. Paris, 2007.

²⁷ *Валишевский К.* Указ. соч., с. 2–3.

мощникам. Единственно, за чем она всегда бдительно следила, так это за неприкосновенностью своих самодержавных прав. Никто не должен был усомниться, что вся власть в Российской империи сосредоточена в одних руках. От своих предшественниц Елизавета унаследовала страсть к мотовству и развлечениям.

Тем не менее “дочь Петрова” неожиданно для многих, кто ее знал, обнаружила весьма ценные для правителя качества, на которые обратил внимание С.М. Соловьев. “Говоря о значении царствования Елисаветы, мы не должны забывать характер самой Елисаветы. Веселая, беззаботная, страстная к утехам жизни в ранней молодости, Елисавета должна была пройти через тяжкую школу испытаний и прошла ее с пользою. Крайняя осторожность, сдержанность, внимание, умение проходить между толкающими друг друга людьми, не толкая их, – эти качества, приобретенные Елисаветою в царствование Анны, когда безопасность и свобода ее постоянно висели на волоске, эти качества Елисавета принесла и на престол, не потеряв добродушия, снисходительности, так называемых патриархальных привычек, любви к искренности, простоте отношений. Наследовав от отца умение выбирать и сохранять способных людей, она призвала к деятельности новое поколение русских людей, знаменитых при ней и после нее, умела примирять их деятельность... При этом, разумеется, большую службу служила ей осторожность, заставлявшая ее не вдруг решать дела по внушению того или другого лица, но выслушивать и других, соображать их мнения, думать и долго думать”, – отмечал великий русский историк²⁸.

С первых дней царствования вокруг Елизаветы объединились ее давние приверженцы, занявшие важнейшие государственные и придворные посты. Как и в предыдущие “женские правления”, при Елизавете продолжился фаворитизм, сменились только фамилии. Наиболее влиятельными фаворитами были Алексей Григорьевич Разумовский, а затем Иван Иванович Шувалов. Первый, украинский казак, попал в Петербург благодаря хорошему голосу и стал придворным певчим еще в ту пору, когда Елизавета Петровна была не у дел. Привлекательный певчий обратил на себя внимание скушающей цесаревны и скоро сделался ее интимным другом. Взойдя на престол, она произвела безродного Разумовского в графы и генерал-фельдмаршалы, хотя он ни одного дня в армии не служил и тем более не участвовал в сражениях. В 1742 г., как утверждают многие историки, Елизавета даже тайно обвенчалась с ним. Младший брат Разумовского, Кирилл, в свои 18 лет стал президентом Академии наук, а затем гетманом Украины.

Другим фаворитом Елизаветы Петровны, впоследствии оттеснившим Разумовского, был молодой красавец Иван Шувалов. Ему Россия обязана открытием в Москве первого национального университета. Видную роль в правительственной администрации будут играть двоюродные братья молодого фаворита: Александр Иванович Шувалов возглавит Тайную канцелярию, а Петр Иванович Шувалов станет ведать всеми экономическими вопросами и организацией военного дела в России. Оба они получают от императрицы графские титулы и звания генерал-фельдмаршалов.

В круг ближайших помощников молодой государыни вошел Михаил Илларионович Воронцов, сопровождавший Елизавету в решающую для нее ночь на 25 ноября 1741 г. В 1744 г. она сделала его вице-канцлером, а в 1758 г., незадолго до своей смерти, – канцлером империи. Из военных Елизавета приблизила к себе трех генералов – А.И. Румянцева, Г.П. Чернышева и В.Я. Левашёва, пожаловав каждому из них орден св. Андрея Первозванного.

При активном содействии лейб-медика Елизаветы Иоганна Германа Лестока, немецкого протестанта французского происхождения, в этот избранный круг попал и граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, протеже Бирона, бывший недолгое время кабинет-министром Анны Иоанновны. Заточенный Минихом в Шлиссельбургскую крепость в ноябре 1740 г.²⁹, Бестужев-Рюмин был возвращен в Петербург и назначен вице-канцле-

²⁸ Соловьев С.М. Указ соч., кн. XII, т. 24, с. 605–606.

²⁹ О нем см.: Пресняков А. Бестужев-Рюмин, граф Алексей Петрович. – Русский биографический словарь, т. 1–25. СПб., 1896–1913 (5-е доп. репринтное воспроизведение. М., 1992–2000;

ром, заняв место отправленного в ссылку Остермана. На незаметный, но важный пост кабинет-секретаря императрицы Бестужев сумел поставить своего доверенного человека, барона Ивана Антоновича Черкасова, служившего еще у Петра. Он был возвращен из многолетней астраханской ссылки и произведен в действительные статские советники.

Придя к власти на волне русского патриотизма, Елизавета вовсе не помышляла о возвращении к допетровским порядкам, подразумевавшим политическую и экономическую автаркию России, ее “уход” из европейской политики. Елизавета олицетворяла собой не старый, “московский”, а новый, “петербургский”, можно сказать, державный национализм, у истоков которого стоял ее отец. Во внешней политике Елизавета Петровна строго придерживалась “системы Петра Великого”, предполагавшей следование национальным интересам России, т.е. сотрудничество лишь с теми государствами, чьи интересы совпадали или были близки с российскими, – с Австрией, Англией и Саксонией.

Мало занимаясь конкретными делами внутреннего управления, Елизавета с самого начала обнаружила живой интерес к внешней политике и дипломатии. Она всегда находила время, чтобы не только выслушивать регулярные доклады руководителя своей дипломатической службы вице-канцлера Бестужева-Рюмина, но и лично знакомиться с донесениями российских представителей за рубежом. На страницах этих донесений нередко встречаются ее пометы, записи и резолюции. Елизавета Петровна, безусловно, имела полное представление о том, что происходит в Европе, понимала, в чем состоят интересы тех или иных европейских держав, и, уж, конечно, никогда не действовала в ущерб национальным интересам России, стараясь следовать заветам своего великого отца.

В этом смысле все старания Шетарди повернуть руль внешней политики России в нужном для Франции направлении были обречены на неудачу, хотя его влияние на Елизавету в первые месяцы ее царствования было весьма значительным. Французский посланник поддерживал с молодой императрицей самые тесные отношения. Поговаривали даже об их интимной близости. Слухи об этом особенно усердно распространял прусский посланник в Петербурге Аксель фон Мардефельд. Но достоверно можно говорить лишь о следующем.

Во-первых, еще до событий 25 ноября 1741 г. Шетарди настойчиво склонял Елизавету обратиться за военной помощью к Швеции. В соответствии с предложенным им планом шведские войска по условному сигналу Елизаветы должны были начать наступление на Петербург, вынудить русскую армию выйти из столицы и тем самым облегчить сторонникам цесаревны в лейб-гвардии Преображенском полку условия для совершения переворота³⁰.

Во-вторых, Шетарди предлагал Елизавете Петровне финансовую помощь для привлечения на ее сторону нужных сторонников. Правда, когда в сентябре 1741 г. Елизавета попросила у французского посланника 15 тыс. дукатов, Шетарди дал ей только 2 тыс., сославшись на отсутствие в посольском бюджете свободных средств³¹. По-видимому, в тот момент в его распоряжении действительно не было денег, которые тщеславный и легкомысленный маркиз бездумно растрачивал на роскошные приемы и пиршества. Елизавета, скорее всего, была разочарована столь скромной субсидией, но вида не показала, напротив, сказала маркизу, что ее приверженцы, среди которых были распределены полученные деньги, весьма обнадережены тем, что их планы поддерживает сам король Франции³².

т. 2, с. 770–787); Соловьев С.М. Указ. соч., кн. X, XI, XII; Шапкина А.Н. Новые ориентиры. Канцлер А.П. Бестужев-Рюмин и союз с Австрией. – Российская дипломатия в портретах. М., 1992.

³⁰ См. Мартенс Ф. Указ. соч., т. XIII, с. 63–65.

³¹ ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1741, v. 37, fol. 415; Мартенс Ф. Указ. соч., т. XIII, с. 63. П.В. Безобразов утверждал, что в течение сентября – ноября того же года Шетарди несколько раз передавал Елизавете Петровне различные суммы, составившие в общей сложности 22 423 франка. – Безобразов П.В. Указ. соч., с. 165.

³² Шифрованная депеша Шетарди от 26 сентября 1741 г. – ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1741, v. 37, fol. 415 recto verso.

“Искренняя дружба, которую король сохраняет к памяти Петра I Великого, – ответил цесаревне французский посланник, – может служить Вам, Мадам, гарантией тех чувств, кои Его Величество питает к Вам. Король желал бы видеть Вас на троне Ваших предков, и Вы можете быть уверены в том, что Его Величество не пожалеет средств ради того, чтобы помочь Вам получить корону”³³.

Маркиз явно превысил свои полномочия, когда пообещал Елизавете неограниченную финансовую помощь от имени короля Франции. В секретном донесении в Париж, отправленном 4 ноября 1741 г., он запросил срочно выделить ему 100 тыс. экю на финансирование заговора, но в Версале сочли эту сумму чрезмерной и отказали в присылке денег³⁴. Буквально накануне переворота Шетарди повторил настоятельную просьбу о требуемой субсидии. “Я полностью исчерпал все свои личные средства”, – в отчаянии взывал он к министру, но так и не был услышан³⁵.

На тайных встречах с Елизаветой французский дипломат не жалел черной краски, чтобы изобразить плачевное состояние России, “подчиненной системе, установленной кучкой иностранцев, узурпировавшей власть”³⁶. Под “кучкой иностранцев” Шетарди подразумевал немецкое окружение правительницы, ориентировавшее ее на союз с Австрией. О том, что он вознамерился подчинить политику России интересам Франции через возглавляемую им в Петербурге “французскую партию”, Шетарди, разумеется, умалчивал. Маркиз наставлял цесаревну: “Если Вы возложите корону на свою голову, то Россия вернется к своим подлинным принципам”³⁷. “Подлинным” выбором России Шетарди считал ее самоустранение от активного участия в европейских делах, возвращение к допетровской политике и замыкание в своей самобытности. Маркиз заверял Елизавету в безусловной поддержке короля Франции, который предоставит в ее распоряжение все необходимые средства, как только она об этом попросит. “Принцесса Елизавета, – сообщал Шетарди министру иностранных дел Амело о своей встрече с цесаревной, состоявшейся в последних числах сентября 1741 г., – была очень рада услышать мои объяснения”³⁸.

Кстати, подробную запись этой беседы Шетарди счел за лучшее сжечь, не рискуя пересылать ее в Париж даже в зашифрованном виде, с доверенным курьером. В письме министру он изложил лишь суть разговора с Елизаветой, объяснив, что опасается агентов Остермана, постоянно покушавшихся на его пакеты с дипломатической перепиской. “Необходима предельная осторожность, чтобы избежать обнаружения малейших признаков [заговора]”, – писал Шетарди³⁹.

Если верить его донесениям в Версаль, то складывается впечатление, будто Шетарди был чуть ли не единственным организатором и даже главным режиссером дворцового переворота. Маркиз присваивал себе авторство почти всех проектов манифестов и указов Елизаветы, готовившихся накануне событий 25 ноября 1741 г. Получалось, что якобы именно он составил и передал цесаревне список лиц, подлежащих немедленному аресту; он же участвовал в формировании будущего кабинета и т.д. и т.п.

Конечно, роль Шетарди в возведении на престол Елизаветы Петровны значительна, но она сводилась главным образом к моральной поддержке будущей императрицы, а также к некоторому участию в финансировании заговора. Есть все основания для того, чтобы усомниться в достоверности информации, сообщавшейся маркизом своему двору. Мотивы, по которым он сознательно преувеличивал свою роль, очевидны – создать в Версале максимально выгодное о себе впечатление. Кстати, сам маркиз сообщал, среди

³³ Ibid., p. 416.

³⁴ Ibid., 1741, v. 38, fol. 191.

³⁵ Ibid., fol. 276 verso.

³⁶ Из зашифрованного донесения Шетарди от 3 октября 1741 г. – Ibid., fol. 6 verso.

³⁷ Ibid., fol. 7.

³⁸ Ibid., fol. 7 verso.

³⁹ Ibidem.

прочего, что он полностью изолирован в Петербурге и не может поддерживать нормальные связи с интересующими его людьми. “Ненависть двора к Франции проявляется [здесь] до такой степени, – писал Шетарди в зашифрованном донесении всего лишь за неделю до дворцовой “революции”, – что никто не осмеливается появляться у меня, за исключением иностранных министров (т.е. посланников. – П.Ч.), на протяжении последних трех месяцев с тех пор, как я вернулся в город”⁴⁰.

Документально установлено, что к планам организации дворцового переворота в пользу Елизаветы Шетарди непосредственно подключился лишь в августе 1741 г., хотя разговоры на эту тему с цесаревной заводил еще со времени смерти Анны Иоанновны и воцарения младенца Ивана VI. Подтверждение этому мы находим в его переписке с министерством иностранных дел Франции⁴¹. Если верить Шетарди, в начале августа цесаревна призналась ему, что раздала 8 тыс. рублей из личных средств офицерам гвардии, дабы склонить их в свою пользу⁴², явно намекая на желательность получения денежной помощи от французского посланника. Тогда же она якобы сказала ему, что “у нее есть серьезные опасения за свою участь”⁴³.

Вопрос о дополнительном финансировании заговора на его завершающей стадии Шетарди обсуждал с Елизаветой на тайной встрече в первых числах ноября. Французский посланник, как уже говорилось, пообещал цесаревне сделать срочный запрос своему министерству на присылку ему 100 тыс. экю для передачи Елизавете, которая, по словам Шетарди, “сказала, что не знает, как ей выразить свою признательность королю, но надеется, что в дальнейшем, когда она достигнет короны, сумеет достойно отблагодарить его”⁴⁴.

Наряду с Шетарди в подготовке заговора участвовали шведский посланник в Петербурге барон Эрик Матиас Нолькен и француз Иоганн Герман Лесток, личный врач Елизаветы Петровны. Однако главную роль играли ближайшие соратники Елизаветы, вскоре составившие новый кабинет, – братья Шуваловы, Михаил Воронцов и Алексей Разумовский, тесно связанные с гвардейским офицерством.

Деятельность заговорщиков, в том числе и Шетарди, не осталась незамеченной. Дело дошло до бурного объяснения Анны Леопольдовны с Елизаветой 22 ноября 1741 г. Правительница потребовала от великой княжны прекратить все контакты с французским посланником, пригрозила удалить из России Лестока, а заодно объявила о предстоящем браке Елизаветы Петровны с Людвигом Брауншвейг-Вольфенбюттельским, братом Антона-Ульриха. Это означало, что Елизавета должна будет навсегда покинуть Россию. Впервые эту идею правительница высказала еще в июле. “Гвардейские офицеры, тайные сторонники принцессы Елизаветы, были крайне встревожены распространившимся слухом о ее браке с принцем Людвигом Вольфенбюттельским”, – сообщал тогда в зашифрованном донесении в Париж Шетарди⁴⁵. Теперь, на исходе ноября, Анна Леопольдовна решила поспешить с замужеством Елизаветы.

Обстоятельства побуждали заговорщиков решиться на немедленные действия. Стало известно, что лейб-гвардии Преображенский полк, где служили наиболее ревностные приверженцы Елизаветы, получил приказ выступить из Петербурга на войну против Швеции.

В ночь на 25 ноября (с.с.) 1741 г. Елизавета во главе верных ей преображенцев совершила государственный переворот, арестовав всю брауншвейгскую семью и правительство Анны Леопольдовны. На рассвете 25 ноября поднятым с постелей и доставленным

⁴⁰ Шифрованное донесение Шетарди от 28 ноября 1741 г. – Ibid., v. 38, fol. 274.

⁴¹ Маркиз де Ла Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. Изд. с примеч. и доп. П. Пекарского. СПб., 1862.

⁴² ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1741, v. 37, fol. 195.

⁴³ Ibid., fol. 193.

⁴⁴ См. шифрованное донесение Шетарди от 4 ноября 1741 г. – Ibid., 1741, v. 38, fol. 190–192 verso.

⁴⁵ Ibid., fol. 52.

во дворец сановникам был зачитан манифест о восшествии на престол государыни императрицы Елизаветы Петровны.

Шетарди срочно выслал в Париж французский перевод манифеста, в составлении которого, как он утверждал, принимал непосредственное участие⁴⁶. Одновременно французский посланник направил составленное им “Описание переворота, произошедшего в России 6 декабря 1741 г.”⁴⁷. В этом описании Шетарди изложил развитие событий той памятной ночи и даже попытался объяснить причины дворцовой “революции”. “Хотя еще невозможно во всей полноте представить все обстоятельства столь важного события, происшедшего в Санкт-Петербурге 6 декабря, сообщая лишь основные и совершенно очевидные. С одной стороны, слишком нежный возраст государя [Ивана VI], соперничество между министрами, особенно между графом Остерманом и Головкиным, отсутствие согласия между герцогиней-регентшей и герцогом, ее супругом, война со Швецией, которая явно не по вкусу [русской] нации вызывали всеобщее недовольство. С другой стороны, принцесса Елизавета завоевала сердца всех русских, как своим происхождением, так и другими высокими качествами”⁴⁸.

28 ноября 1741 г. был обнародован новый манифест, в котором 32-летняя Елизавета, окончательно отказавшаяся от идеи замужества и, соответственно, от намерения иметь собственных детей (во всяком случае, законных, добавим от себя), назначала наследником российского престола 13-летнего племянника, Петра-Ульриха, сына своей старшей сестры Анны Петровны и Карла-Фридриха, герцога Голштейн-Готторпского. Итак, Елизавета вернулась к первоначальному замыслу Екатерины I, желавшей передать трон своему и Петра Великого внуку.

Встал вопрос о судьбе свергнутой брауншвейгской семьи. Когда Елизавета, если верить Шетарди, обратилась к нему за советом, что делать с младенцем-императором, маркиз ответил ей: “Нет такой предосторожности, которую не следовало бы принять, чтобы уничтожить даже след царствования Ивана VI. Только таким образом можно сохранить Россию рано или поздно от несчастий, которые способны повлечь за собой обстоятельства и которых, после примера Лжедмитрия, еще больше можно опасаться в этой стране”⁴⁹.

Однако Елизавета, в ночь на 25 ноября поклявшаяся на кресте, что не прольет ни капли крови, если благополучно взойдет на престол, не последовала совету французского посланника и сохранила жизнь ребенку, отправив его вместе с родителями в ссылку. Воздавая должное роли Шетарди, Елизавета Петровна уже 28 ноября написала Людовику XV письмо, где выражала свою искреннюю надежду на “дружбу” между двумя дворами⁵⁰.

Первое время влияние Шетарди на императрицу казалось весьма значительным. Она была очень признательна галантному и обаятельному маркизу и за оказанную ей поддержку, и за обещание погасить разгоравшееся пламя русско-шведской войны. Французский посланник, возможно, даже вполне искренне полагал, что эта война, необходимая Франции при прежнем русском правительстве, теперь потеряла всякий смысл. В этом направлении он и действовал, адресуясь то к своему министру, то к шведскому главнокомандующему генералу Левенгаупту. Однако инициатива Шетарди не только не получила поддержки в Версале, но была решительно осуждена. Ему напомнили, что цель его миссии в Петербурге состоит не в том, чтобы укреплять позиции России, а в том, чтобы, напротив, ослаблять их⁵¹. Более того, в Версале впервые усомнились в правильности действий маркиза, поддержавшего Елизавету Петровну в организации переворота. “Если король всегда желал переворота в [России] только как средства облегчить

⁴⁶ Ibid., fol. 305–306 verso.

⁴⁷ Relation de la révolution arrivé en Russie le 6-e Décembre 1741. – Ibid., fol. 302–304 verso.

⁴⁸ Ibid., fol. 302.

⁴⁹ Цит. по: Вандаль А. Указ соч., с. 17.

⁵⁰ Безобразов П.В. Указ. соч., с. 169–170.

⁵¹ Recueil des instructions..., t. 8, p. 369–373.

шведам исполнение их намерений и если этот переворот произвел обратное действие, то следует жалеть о трудах, предпринятых для его ускорения”, – говорилось в полученной Шетарди от Амело инструкции, датированной 15 января 1742 г.⁵²

Ему не оставалось ничего иного, кроме как послушно исполнять полученное предписание. Правда, столь строгое внушение побудило уязвленного маркиза направить королю просьбу о разрешении вернуться во Францию.

РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ

А что же происходило в самой Франции? Как там оценивали государственный переворот в России и вступление на престол Елизаветы Петровны? Какие надежды связывали в Версале с молодой российской императрицей?

Об этом можно судить по реляциям князя Кантемира, адресованным Елизавете Петровне. “Я должен засвидетельствовать, – писал русский посланник 4 января 1742 г., – что они (Флери и Амело. – *П. Ч.*) счастливой сей перемены ведомость с особливою радостью и удовольствием приняли. Но всего приятнее мне было видеть в народе здешнем почти общее доброжелательство к высочайшему лицу Вашего Императорского Величества, которое тем меньше подозрительно, что оно только на Ваших высоких качествах и на памяти Августейшего отца Вашего... бессмертной славы Петра Великого основано”⁵³.

Правда, здесь же Кантемир уточнил, что “особливая радость и удовольствие” французских министров от восшествия на престол Елизаветы Петровны объяснилась исключительно прагматическими соображениями. Прежде всего, они ожидали от молодой императрицы уступок, в том числе территориальных, в пользу Швеции. Развязав при подстрекательстве французской дипломатии войну против России с целью пересмотра Ништадтского мира, Швеция оказалась не подготовлена к ней. Ее армия терпела одно поражение за другим. Первым из них стало поражение у Вильманстранда еще в сентябре 1741 г.

Флери, конечно же, не мог допустить полного разгрома русскими давнего союзника Франции. При этом в основе расчетов версальского двора лежал не благородный альтруизм, желание спасти давнего союзника, а вполне конкретная заинтересованность в затягивании русско-шведского конфликта с целью отвлечь внимание России от разгоравшейся в то время в Европе войны за Австрийское наследство. Франция всеми силами желала предотвратить вступление России в европейскую войну на стороне Австрии, как это вытекало из условий союзного договора 1726 г. В этом смысле локальная война между Россией и Швецией представлялась в Версале лучшей гарантией невмешательства Петербурга в общеевропейский конфликт. Более того, есть все основания утверждать, что объявление Швецией войны России летом 1741 г. было спровоцировано Францией именно с этой целью. Вряд ли случайно, что русско-шведская война началась вслед за развязыванием войны за Австрийское наследство.

Конечно, когда Франция незадолго до войны предоставила Швеции субсидию в размере 1 млн. ливров, в Версале не рассчитывали, что столь значительная финансовая инъекция окажется мало эффективной и с самого начала дела у шведов пойдут плохо. Однако столь быстрое окончание этой войны, да еще при впечатляющей победе России точно не входило в планы версальского двора. Но, если нельзя надеяться на военный успех, то можно попытаться навязать России затяжные мирные переговоры при французском посредничестве, главное – нельзя оставлять шведов один на один с русскими, чье превосходство, прежде всего военное, стало очевидным. Таким был расчет французской дипломатии.

Начиная с января 1742 г. Шетарди по указанию Флери начал продвигать идею о французском посредничестве, настойчиво внушая русским министрам мысль о необ-

⁵² Ibid., p. 371.

⁵³ АВПРИ, ф. 93/1. Сношения России с Францией. 1742 г., д. 3, л. 5.

ходимости частичного пересмотра Ништадтского мирного договора 1721 г. Однако новый вице-канцлер граф А.П. Бестужев-Рюмин однажды прямо ответил ему, что Россия “никогда и ни в какое время на то не поступит, чтобы в оном Нейштатском вечного мира трактате что отменить”⁵⁴. Шетарди попытался апеллировать по этому вопросу непосредственно к императрице, но получил столь же решительный отказ. “Что скажет народ, – ответила ему Елизавета, – увидя, что иностранная принцесса (Анна Леопольдовна. – П.Ч.), мало заботившаяся о пользах России и сделавшаяся случайно правительницей, предпочла, однако, войну стыду уступить что-нибудь, а дочь Петра для прекращения той же самой войны соглашается на условия, противные столько же благу России, сколько славе ее отца и всему, что было куплено ценою крови ее подданных для окончания его трудов”⁵⁵.

Казалось бы, все сказано предельно ясно и не подразумевает никакого иного толкования этого принципиального для России вопроса. Тем не менее французская дипломатия продолжала настойчиво навязывать Петербургу территориальные уступки Стокгольму. Об этом неоднократно сообщал из Парижа князь Кантемир, с которым Флери и Амело постоянно заводили разговор о необходимости уступок шведам. Из разговоров с французскими министрами русский дипломат сделал вывод, что “должно продолжать всякую осторожность против здешних происков”⁵⁶.

И в других своих донесениях Кантемир настойчиво предостерегал императрицу: “Всякая предосторожность против хитростей здешних не только пристойна, но и весьма нужна, понеже на обнадеживания здешние совсем полагаться не можно”⁵⁷. Русский дипломат уверенно говорил о неискренности заверений Флери и Амело в дружбе с петербургским двором. Он сообщал императрице об их “подлинном недоброжелательстве” к России, подчеркнув, что “все поступки министерства чрезмерно явно оказывают пристрастие здешнее к шведскому двору”⁵⁸.

Швеция, по убеждению Кантемира, – лишь одно из звеньев антироссийской политики версальского кабинета. Он обращает внимание императрицы на “продолжительные происки французского посла в Константинополе к предосуждению интересов Ваших”⁵⁹. Кантемиру станет известно, что предвоенная французская субсидия, предоставленная Швеции, была заимствована не где-нибудь, а в Турции. “То подлинно, – сообщал посланник в зашифрованной реляции в ноябре 1742 г., – что казна здешняя совсем истощена так, что и тот миллион ливров, который до сего в Швецию переведен, взят не из здешней казны, но из тех денег, которые Порта выдала французскому послу”⁶⁰. По убеждению князя Кантемира, неизменной оставалась и давняя стратегическая установка французской дипломатии на расстройство русско-австрийского союза, что стало особо актуальным с началом войны за Австрийское наследство.

Оценки Кантемира относительно истинных целей французской дипломатии полностью разделял граф Бестужев-Рюмин, неосмотрительно рекомендованный императрице Лестоком на пост вице-канцлера и руководителя Коллегии иностранных дел. Было известно, что Бестужев-Рюмин, как и его предшественник, Остерман, не питал симпатий к Антиоху Дмитриевичу, но в его случае это объяснялось сугубо карьерными соображениями. Граф, возможно, и не без оснований видел в Кантемире претендента на пост руководителя елизаветинской дипломатии. Действительно, князь Кантемир считался в российском дипломатическом корпусе одной из самых ярких фигур и мог с полным основанием рассчитывать на то, что возглавит Коллегию иностранных дел.

⁵⁴ Там же, д. 4, л. 13.

⁵⁵ Цит. по: Маркиз де Ла Шетарди в России. 1740 – 1742, с. 510–513.

⁵⁶ Из донесения А.Д. Кантемира от 10(21) января 1742 г. – АВПРИ, ф. 93/1. Сношения России с Францией. 1742 г., д. 3, л. 47.

⁵⁷ Из зашифрованной реляции от 7(18) марта 1742 г. – Там же, л. 253.

⁵⁸ Из зашифрованной реляции от 8(19) апреля 1742 г. – Там же, л. 292.

⁵⁹ Там же, л. 293 об.

⁶⁰ Там же, л. 692.

К нему по-прежнему благоволил престарелый канцлер Черкасский, сохранивший свой пост и при Елизавете Петровне. Но непосредственно после переворота 25 ноября, когда раздавались министерские портфели, князь Кантемир находился в далеком Париже, а граф Бестужев-Рюмин оказался под рукой. Именно на него и пал выбор “французской партии”, образовавшейся в окружении Елизаветы Петровны на рубеже 1741–1742 гг.

Лесток и стоявший за его спиной Шетарди явно недооценили ни выдающихся способностей графа Бестужева-Рюмина, ни его непреклонного характера, внушавшего уважение, смешанное с опаской, самой Елизавете Петровне. Бестужев будет последовательно и твердо отстаивать национальные интересы России, исходя из здравого убеждения в том, что союз с Францией невозможен, по крайней мере до тех пор, пока в Версале не откажутся от намерений принизить влияние России в европейской политике, лишит ее статуса великой державы, добытого Петром I в Северной войне.

Как и Кантемир, Бестужев видел все опасные последствия возможного привлечения Франции к поискам мира со Швецией, на чем настаивали и шведы, и французы, особенно после приезда весной 1742 г. в Петербург в поисках мира шведского дипломата Нолькена, и сделал все, чтобы не допустить этого. Осознавший свой промах с кандидатурой Бестужева Шетарди решил обойти непримиримого вице-канцлера. Согласовав свои действия с Нолькеном, он напросился на “конференцию” к канцлеру Черкасскому и стал убеждать его принять французское посредничество в достижении компромисса со Швецией. Но и здесь Шетарди ожидало разочарование. Канцлер решительно заявил французскому посланнику, что “никакая медиация при сем деле употреблена быть не может...к тому же о таковой медиации никакого требования отсюда не было”⁶¹.

Будучи последовательным сторонником союза с Англией и Австрией, Бестужев, укрепив свое положение, повел решительную борьбу с Шетарди, влияние которого на императрицу всерьез беспокоило вице-канцлера. Эта невидимая для многих борьба продолжалась до середины 1742 г. и завершилась победой Бестужева, предъявившего Елизавете Петровне перлюстрированную корреспонденцию Шетарди и других французских дипломатов, в которой достаточно откровенно излагались подлинные цели Франции – помочь России “впасть в прежнее ее ничтожество”⁶².

“Ла Шетарди, – пишет Ф.-Д. Лиштенан, – допустил грубую ошибку, недооценив значение петровской легенды. Он надеялся манипулировать женщиной, плохо приспособленной к решению государственных задач; в действительности же ему пришлось иметь дело с российской императрицей – надменной, убежденной в собственном величии и согласной доверять бразды правления лишь тем, кто разделяет это ее убеждение... Ла Шетарди слишком часто напоминал императрице о том, чем она обязана Франции, слишком усердно подчеркивал важность своего пребывания в российской столице и в конце концов стал раздражать государыню. Еще одна ошибка, – продолжает Лиштенан, – француз напрасно пугал дочь Петра очередным дворцовым переворотом, который положит конец ее царствованию. Это была ахиллесова пята Елизаветы: она жила в постоянном страхе перед возможным возвращением на престол малолетнего Ивана, однако по свойствам своего характера предпочитала не думать о неприятных предметах; тот же, кто ей на них указывал, напоминал ей о ее слабостях и тем приводил в ярость”⁶³.

Желание Бестужева избавиться от опасного француза, имевшего пагубное влияние на государыню, по счастливому стечению обстоятельств совпало как с настроениями самого Шетарди, так и с намерениями французского министерства. В начале июля маркиз получил из Версаля отзывную грамоту⁶⁴, что можно было трактовать и как косвен-

⁶¹ Там же, 1742 г., д. 4, л. 34–34 об.

⁶² Из перехваченной русскими агентами секретной инструкции Людовика XV французскому посланнику в Константинополе Каstellану. – *Безобразов П.В.* Указ. соч., с. 174.

⁶³ *Лиштенан Ф.-Д.* Указ соч., с. 37.

⁶⁴ Отзывная грамота датирована 21 июня 1742 г. Французский оригинал и русский перевод см. АВПРИ, ф. 93/1. Сношения России с Францией. 1742 г., д. 4, л. 41–42 об.

ное признание провала доверенной ему в Петербурге миссии. И в самом деле, с воцарением Елизаветы Петровны Россия не обнаружила никаких намерений отказаться от союза с Австрией и явно не желала идти на поводу у Франции, вероломно столкнувшей ее со Швецией. А именно этого и должен был добиться посланник Людовика XV.

Отпуская милого ее отзывчивому к мужской красоте и галантности сердцу Шетарди, императрица не отказала себе в удовольствии выказать маркизу свое личное расположение, наградив отъезжавшего посланника высшей наградой Российской империи – орденом св. Андрея Первозванного. В личном письме, которое Шетарди по возвращении во Францию должен был передать Людовику XV, императрица писала королю, что “имея в памяти показанные мне от него [Шетарди] прежние услуги, для доказательства ему особого моего признания, пожаловала ему первую кавалерию мою ордена апостола Андрея; того ради уповать имею, что Вашему Величеству не токмо сие не противно будет, но в то же время за благо принимать изволите”⁶⁵.

Любопытно, что из первоначального текста ответной грамоты императрицы королю Франции на отзывную грамоту Шетарди, где воздавалось должное заслугам маркиза, был вычеркнут следующий фрагмент: “...и Нам дальнейшее его при дворе Нашем по воле Вашего Величества пребывание не иначе, как приятно быть могло”⁶⁶.

Вопреки желанию своего вице-канцлера императрица осыпала маркиза многочисленными ценными подарками, общая стоимость которых, по некоторым источникам, составляла 1,5 млн. ливров⁶⁷. Теперь, когда в ее распоряжении была вся казна Российской империи, она могла позволить себе такие поистине царские подарки.

Отзывные грамоты застали Шетарди в Москве, где по случаю коронации Елизаветы Петровны находился двор и дипломатический корпус. Получив 25 июля прощальную аудиенцию у императрицы⁶⁸, а затем, представив канцлеру и вице-канцлеру своего преемника, шевалье д’Алиона, в качестве поверенного в делах, маркиз в середине августа 1742 г. покинул первопрестольную и отправился в долгий путь на родину.

Уже упоминавшийся выше прусский дипломат Мардефельд впоследствии утверждал, что Елизавета Петровна имела еще одно тайное свидание с маркизом, причем не где-нибудь, а в своей резиденции в Троице-Сергиевой лавре. Фантастическая версия с ночным проникновением католика на территорию православной святыни, да еще при соучастии столь набожной женщины, как Елизавета Петровна, не вызывает доверия у серьезных французских историков. Заметив, что Елизавета “всегда выбирала любовников только среди своих соотечественников”, Лиштенан констатировала: “Как бы то ни было, но летом 1742 г. посол Франции утратил доверие дочери Петра Великого. Их отношения всегда имели двойственный характер: француз пленял ее, а представитель Людовика вызывал недоверие”⁶⁹.

С отъездом маркиза де Ла Шетарди в августе 1742 г. его “одиссея” в России не завершилась: спустя 15 месяцев он вернется в Санкт-Петербург с твердым намерением взять реванш у Бестужева-Рюмина.

Преемником Шетарди во главе французской дипломатической миссии в России стал секретарь посольства шевалье д’Юссон д’Алион⁷⁰, племянник бывшего посла Франции в Константинополе и Стокгольме. В разные годы он неоднократно бывал в России, жил

⁶⁵ Текст письма Елизаветы Петровны Людовику XV от 21 августа 1742 г. см. Там же, 1742 г., д. 1, л. 8–9.

⁶⁶ Там же, л. 4–4об. По всей видимости, эта фраза была вычеркнута из окончательного варианта ответной грамоты Елизаветы Петровны по настоянию А.П. Бестужева-Рюмина, который менее всего желал в будущем видеть Шетарди в Петербурге.

⁶⁷ Маркиз де Ла Шетарди в России 1740 – 1742 годов, с. XVI–XVII.

⁶⁸ См. АВПРИ, ф. 93/1. Сношения России с Францией. 1742 г., д. 4, л. 48–51.

⁶⁹ *Liechtenhant F.-D.* Op. cit., p. 131.

⁷⁰ 3 августа 1742 г. д’Алион был представлен канцлеру А.М. Черкасскому, а 8 августа получил аудиенцию у Елизаветы Петровны. – АВПРИ, ф. 93/1. Сношения России с Францией. 1742 г., д. 4, л. 53–53об., 56–58.

там продолжительное время, успел овладеть русским языком и получил представление о российских реалиях. Поработав с Шетарди в качестве его помощника, д'Алион хорошо узнал своего патрона, которого довольно скоро невзлюбил за непомерное тщеславие и авантюризм. Многие его действия и манеру поведения он считал ошибочными и даже вредными для успешного выполнения возложенной на него миссии.

Правда, донесения д'Алиона в Париж касательно оценок Елизаветы Петровны и ее ближайшего окружения принципиально не отличались от реляций его предшественника. Во многом они даже уступали им в знании предмета, поскольку д'Алион в отличие от Шетарди никогда не был допущен в ближний круг императрицы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШЕТАРДИ

С окончанием русско-шведской войны 1741–1743 гг., в течение двух лет осложнявшей отношения между Россией и Францией, в Версале попытались предпринять шаги по их нормализации. Объяснялось это поисками новых союзников в условиях войны за Австрийское наследство. Французские армии в Германии терпели поражения, а главный союзник Людовика XV, прусский король Фридрих II, утвердившись в Силезии, поспешил заключить сепаратный мир с Марией Терезией, главной претенденткой на корону Священной Римской империи германской нации. Англия и Голландия с самого начала поддерживали дочь покойного Карла VI против баварского курфюрста, за спиной которого стояла Франция. В этих весьма неблагоприятных для него обстоятельствах Людовик XV, желая предотвратить вмешательство России в войну на стороне Марии Терезии, был готов предложить Елизавете Петровне договор о союзе и торговле и даже пойти на признание ее императорского титула, в чем ей до тех пор отказывали. Далось это королю, признававшему только германскую императорскую корону, нелегко.

Когда в соответствии с существовавшими в европейской дипломатии правилами Людовик XV прислал Елизавете Петровне поздравительную грамоту (10 сентября 1743 г.) по случаю подписания Абоского мира со Швецией, в ней не был проставлен ее императорский титул. Грамота начиналась обращением: “Превысочайшей, Преизящнейшей, Державнейшей и Великодушной Принцессе, Нашей Дражайшей Сестре и Совершенной Приятельнице, Царице и Великой княгине Елисавете, Самодержице всея Великия, Малыя и Белья России”⁷¹. Императорский титул не был проставлен и на конверте, который д'Алион в предварительном порядке вручил вице-канцлеру Бестужеву вместе с копией королевской грамоты. Тот, разумеется, выразил удивление в связи с неправильным обращением к императрице, тем более что французское министерство и Христианнейший король были официально извещены через российского посланника в Париже, как следует во всех случаях адресоваться к Елизавете Петровне. “Ее Императорское Величество, – заявил вице-канцлер французскому посланнику, – оный свой праведно требуемый титул отныне ни с кем и ни в чем уронить не хочет”⁷². Д'Алиону было решительно заявлено, что королевская грамота без надлежаще оформленного обращения принята быть не может. Одновременно князю Кантемиру в Париж отправили рескрипт: ему поручалось разъяснить версальскому кабинету причину, по которой королевская грамота не была принята, и потребовать уважения императорского достоинства государыни Елизаветы Петровны⁷³.

Твердость и настойчивость российской стороны побудила версальский двор к пересмотру своей позиции, однако она будет отличаться непоследовательностью еще долгое время. В это время в Версале произошли важные перемены в Королевском совете. 29 января 1743 г. умер престарелый кардинал де Флери, без малого 20 лет формировавший внешнюю политику Франции. Король, последние годы тяготившийся опекой своего вос-

⁷¹ Русский перевод, сделанный в Коллегии иностранных дел с грамоты Людовика XV, см. АВПРИ, ф. 93/1. Сношения России с Францией. 1743 г., д. 4, л. 75.

⁷² Там же, л. 79–79 об.

⁷³ Рескрипт от 26 ноября 1743 г. – Там же, 1743 г., д. 2, л. 181.

питателя и жаждавший взять бразды правления в собственные руки, после смерти Флери никого на его место не назначил. Людовик XV, как сообщал в Петербург князь Кантемир, “министрам уже объявил, что, полагаясь на их ревность и верность, намерен сам с ними прямо дела делать, и для того уже впредь никого первым министром не определять”⁷⁴.

Впервые со времени смерти “короля-солнца” Людовика XIV Франция не имела первого министра. Амело де Шеллу сохранил пост министра иностранных дел, но отныне его действиями руководил непосредственно король.

Прежде чем приступить к делу нормализации отношений с Россией, Людовик XV и глава его дипломатии решили прояснить для себя обстановку в Петербурге, не полагаясь на донесения одного лишь д’Алиона. В июне 1743 г. было принято решение направить в Россию с секретной миссией секретаря французского посольства в Стокгольме де Мельера. Он даже успел получить королевскую инструкцию⁷⁵, однако по каким-то причинам его поездку отменили, а в Петербург уже не с тайной, а с официальной миссией направили Шетарди, после возвращения из России находившегося не у дел.

По всей видимости, в Версале были не удовлетворены деятельностью д’Алиона, который, не имея полномочий вести серьезные переговоры с русскими министрами, ограничивался главным образом описаниями придворных и прочих новостей из Петербурга, а также при каждом удобном случае пытался дискредитировать своего предшественника, по чьей вине, дескать, и произошло охлаждение в отношениях между двумя дворами⁷⁶.

Немаловажное значение в выборе кандидатуры Шетарди имели для Людовика XV неоднократные запросы Елизаветы Петровны о возвращении маркиза в Петербург. Начиная с января 1743 г. князь Кантемир получал высочайшие предписания “возобновить всеми возможными образами домогательства о возвращении маркиза Шетардия к Нашему двору”⁷⁷.

22 сентября 1743 г. Шетарди получил инструкцию, составленную Амело и утвержденную королем⁷⁸. В ней говорилось о желательности заключения между Францией и Россией политического союза и торгового трактата. Обстановка для этого, по мнению составителей инструкции, была благоприятной, так как, во-первых, после Абоского мира исчезли основания для франко-русских противоречий, а во-вторых, “лопухинское дело” подорвало прежнее доверие России к Австрии и Англии, чем следовало воспользоваться. В отношении политического союза и торгового трактата с Россией Шетарди поручалось вести себя осторожно, не обнаруживая особой заинтересованности Франции и ожидая соответствующей инициативы с российской стороны.

В вопросе о признании за Елизаветой Петровной императорского титула инструкция предусматривала для Шетарди два варианта действий. Он получил две верительные грамоты: одну с указанием титула, а другую – без него. В зависимости от обстоятельств маркиз должен был решить, какую из них предъявить петербургскому двору для своей аккредитации. В любом случае за признание императорского титула Елизавета должна была заплатить устраивающую Людовика XV цену. Фактически речь шла о том, чтобы Россия переориентировала свою внешнюю политику с Австрии и Англии на Францию.

Шетарди странно медлил с отъездом в Россию, чем вызывал беспокойство Кантемира, получавшего нетерпеливые запросы от императрицы относительно сроков приезда маркиза в Петербург. Да и король выражал недовольство тем, что его эмиссар неоднократно переносит свой отъезд, ссылаясь на неустроенность домашних дел. Наконец,

⁷⁴ Из реляции Кантемира Елизавете Петровне от 29 (18) января 1743 г. – Там же, 1743 г., д. 3, л. 51.

⁷⁵ См. *Recueil des instructions...*, t. 8, p. 405–408.

⁷⁶ См. *Ibid.*, p. 383–403.

⁷⁷ АВПРИ, ф. 93/1. Сношения России с Францией. 1743 г., д. 3, л. 31.

⁷⁸ Текст основной и дополнительной инструкции для Шетарди см. *Recueil des instructions...*, t. 8, p. 409–426.

Кантемир получил информацию, причем не от самого Шетарди или Амело, как должно было быть, а частным образом, от “приятеля”, что маркиз все-таки отправился в дальний путь, но почему-то тайно. В реляции императрице от 24 октября 1743 г. Кантемир сообщал: “Маркиз Шетардий действительно отсюда в Санкт-Петербург отъехал. Потому я к нему здесь на двор посылал осведомиться, и от служителей его мне сказано, что его в городе нет, но отъехал в Фонтенбло. Прибыв туда, я там его не нашел; господин Амелот меня удостоверил, что ему туда ехать было не за чем, понеже он давно уже имел у короля аудиенцию, и от него, Амелота, совсем отправлен, а поехал ли ко двору Вашему, или нет, о том он, Амелот, не знает.

Следовательно, – продолжал Кантемир, – я сам не в состоянии Вашему Императорскому Величеству что-либо подлинное о том деле донести и понять не могу, для чего он, марки Шетардий, от меня отъезд свой утаил... Генеральный контролер [финансов] мне говорил, что он давно приметил в Шетарди намерение утаить время своего отъезда без всякого основания, опасаясь, чтоб англичане или королева венгерская его на дороге не переняли; но тот резон мне столь смешон кажется, что скорее предположу, что он здесь заимодавцев имеет, или, везя с собою много алмазных вещей, разбойников в дороге боится. Но ничего доподлинно об его отъезде никто в городе не знает”⁷⁹.

Кантемира особенно интересовало, с какими полномочиями и верительными грамотами Шетарди отправился в Россию. Проставлен ли в них императорский титул государыни? Этот вопрос русский посланник неоднократно задавал Амело, но всякий раз получал невразумительные ответы. “В том сомневаться не могу, – докладывал Кантемир Елизавете Петровне, – что помянутый марки, по прежней, В.И. В-ва, к нему великодушной милости, себе льстится, что удастся ему все затруднения в титулатуре императорской преодолеть...и министры тем же себя льстят, буде в запас его не снабдили грамотой по желанию В.И. В-ва. Здесь в городе слух носится, что он без всякого кредитиву отправлен был, хотя господин Амелот противное утверждает; и я от того слуху повод возьму Статскому секретарю... наисильнейше изъяснить, что тот поступок никаким образом не может иметь при дворе В.И. В-ва ту удачу, которую могли бы здесь себе чаять”⁸⁰.

А Шетарди тем временем держал путь в Россию. Он явно не спешил, так как избрал не короткий маршрут через Германию, а окольный, через Швецию, затратив на дорогу 33 дня вместо двух-трех недель. Уже находясь в Финляндии, он вдруг неожиданно заторопился. Приближалась годовщина восшествия Елизаветы на престол – 25 ноября (6 декабря), и Шетарди хотел явиться в столицу Российской империи именно в этот день, не раньше и не позже. Расчет был на то, что активный участник столь памятного события и едва ли не главный его организатор, как думал о себе самонадеянный маркиз, он мог рассчитывать на особенный прием у благодарной императрицы. Но неожиданная оттепель, сделавшая дороги не проездными, едва не опрокинула его планы.

Оставив свою огромную свиту с обозом в Финляндии, Шетарди на санях, в сопровождении только трех человек, наперекор стихии устремился к Петербургу. Временами сани не могли скользить по талому снегу, и измученных лошадей меняли семь раз. На одной из остановок Шетарди пришлось бросить своего секретаря, сломавшего руку. Впереди было последнее препятствие, которое могло оказаться смертельно опасным для Шетарди и двух его спутников. Им предстояло пересечь Неву, а лед на ней, покрытый многочисленными проталинами, еще не схватился морозом. Здесь, надо отметить, бригадир королевских войск маркиз де Ла Шетарди проявил очевидное мужество, заставив возницу ехать по тонкому льду, и благополучно прибыл в Санкт-Петербург, лишь немного опоздав на официальный прием. Приведя себя в порядок, он немедленно устремился во дворец, где был ласково принят императрицей, выразившей свою искреннюю радость по поводу его возвращения⁸¹. Любезный прием Шетарди оценил как многообещающее начало для успеха своей миссии.

⁷⁹ АВПРИ, ф. 93/1. Сношения России с Францией. 1743 г., д. 3, л. 360.

⁸⁰ Реляция от 14 ноября 1743 г. – Там же, л. 440 об.

⁸¹ См. *Recueil des instructions...*, t. 8, p. 427.

На следующий день состоялась его встреча с д'Алионом. Она началась с весьма необычной для дипломатов перепалки. Д'Алион, крайне раздосадованный приездом Шетарди, высказал ему прямо в лицо свое недовольство, упрекнув за легкомыслие. Разве можно было возвращаться в страну, где его все так дружно ненавидят? Маркиз не остался в долгу, обвинив шевалье в нечестности и грязном интриганстве. Д'Алион назвал Шетарди канальей и в ответ получил пощечину. Тогда шевалье схватил шпагу и бросился на безоружного Шетарди. Тот, отводя удар, глубоко порезал себе правую руку. Прибежавшие на шум слуги с трудом сумели разнять разгорячившихся аристократов, забывших о правилах чести⁸².

Появляясь в обществе с перевязанной рукой, Шетарди объяснял всем, что порезался осколками лопнувшей вазы. Об этом же, опасаясь, что в Париже могут узнать об инциденте, маркиз написал 28 декабря 1743 г. и в донесении Амело⁸³. Кстати, писать ему пришлось левой рукой. При встрече с Елизаветой Петровной он снова повторил свой рассказ о том, как порезался осколками вазы, которая лопнула, когда он случайно поднес ее к огню. Прекрасно осведомленная о происшедшей “дуэли” между двумя французскими дипломатами императрица, смеясь, заметила: “Вот вам урок не играть с огнем”⁸⁴. Шетарди, разумеется, и подумать не мог, что ее шуточные слова окажутся пророческими.

Маркиза в очередной раз подведет самонадеянность: он ни на минуту не сомневался, что теперь-то уж точно свалит ненавистного вице-канцлера. В своей борьбе с Бестужевым он рассчитывал на помощь старых друзей-единомышленников и тех, кто имел причины желать опалы влиятельного министра. Среди них были француз Лесток, голштинiec Брюммер, Елизавета Иоганна, принцесса Ангальт-Цербстская, мать невесты наследника престола (будущей Екатерины II), прусский посланник А. фон Мардефельд и др.

В это время в Петербурге сошлись интересы двух союзников – Франции и Пруссии, одинаково заинтересованных в смене внешнеполитического курса, проводимого Бестужевым. Поэтому есть все основания говорить о франко-прусской партии при дворе Елизаветы Петровны. Именно эта партия, которую возглавил Шетарди, и повела необъявленную войну против вице-канцлера.

Прибыв в Петербург, маркиз принял решение не спешить с предъявлением своих верительных грамот, тем более что у него их было две. Ласковый прием со стороны императрицы вселил в него уверенность в том, что в самом скором времени ему удастся добиться отставки Бестужева, после чего можно будет навязать Елизавете новый курс. В ожидании этой, казавшейся ему скорой отставки маркиз считал целесообразным проживать в российской столице не как аккредитованный дипломат, а на правах частного лица. Он представлялся всем как французский дворянин, приехавший в Россию с познавательными целями. “Воодушевленный доброжелательным приемом, который оказала ему Елизавета, – справедливо замечает Лиштенан, – Ла Шетарди забыл, что, будучи частным лицом, он не может пользоваться ни дипломатической неприкосновенностью, ни защитой международного права”⁸⁵.

ПЕРСОНА НОН ГРАТА

Расчет Шетарди, как мы увидим, действительно оказался ошибочным, чем не преминул воспользоваться вице-канцлер Бестужев. Вообразив, что он вернул себе то влияние на Елизавету Петровну, которое имел в ноябре–декабре 1741 г., Шетарди, словно капризный ребенок, всякий раз ожидал личного приглашения императрицы на устраиваемые во дворце праздники и балы, подчас не откликаясь на официальные уведомления.

⁸² Соловьев С.М. Указ. соч., кн. XI, т. 21, с. 238.

⁸³ Recueil des instructions..., t. 8, p. 427.

⁸⁴ Мартенс Ф. Указ соч., т. XIII, с. 75.

⁸⁵ Лиштенан Ф.-Д. Указ соч., с. 231.

При дворе с интересом следили за ходом борьбы, развернувшейся между Шетарди и Бестужевым. Многие полагали, что верх возьмет обаятельный француз, устраивавший приемы в снятом им доме и не скупившийся на подарки и прочие знаки внимания всем, кто так или иначе был близок к императрице, не исключая ее горничных и лакеев. Важную роль в арсенале используемых Шетарди средств играли взятки, раздаваемые нужным людям.

Еще во время своего первого пребывания в России Шетарди, а после него и д'Алион пытались подкупить и вице-канцлера, предлагая ему крупные суммы, но Бестужев предпочитал получать "пенсион" от Австрии и Англии. "Совершенно невозможно договориться с Бестужевым, который охотно принес бы в жертву интересы России, если бы верил, что тем самым причиняет вред интересам Франции... Тот, кто руководит в России иностранными делами, — смертельный враг Франции", — с горечью сообщал Шетарди 28 мая 1744 г. в Версаль⁸⁶.

С момента своего второго приезда в Петербург маркиз постоянно ощущал незримое присутствие вице-канцлера. Это ощущение не покидало его даже в редкие встречи наедине с Елизаветой. Лишь только речь заходила о делах политических, за внешней приветливостью и личным расположением императрицы сразу же начинала чувствоваться некая настороженность. Шетарди воочию убедился, что за время его отсутствия вице-канцлер сумел настолько упрочить свое положение, что сама императрица не решалась действовать в обход Бестужева или вопреки его советам.

Вице-канцлер со своей стороны тоже не терял времени даром. Буквально обложив французского посланника со всех сторон, он внимательно следил за его интригами, успевал перехватывать его корреспонденцию. Бестужев отдавал себе отчет в том, что императрица, все еще находившаяся под обаянием галантного французского двора, поверит лишь неопровержимым уликам. И такие улики вскоре были получены, во многом благодаря неосторожности и самонадеянности самого маркиза. Прекрасно зная о существовании в Петербурге "черного кабинета" и догадываясь, что его корреспонденция может перлюстрироваться, Шетарди, проявляя непонятную беспечность, был недопустимо откровенен как в донесениях, так и в частной переписке, что в конечном счете его и погубило.

В Коллегии иностранных дел в это время служил статский советник Христиан Гольдбах. Выпускник юридического факультета Кёнигсбергского университета, полиглот, он с молодости всерьез увлекался математикой и стал выдающимся ученым в области дифференциальных уравнений, бесконечных рядов и криптографии. В 1725 г. Гольдбах избрали членом Петербургской академии, и в течение 15 лет он был конференц-секретарем академии⁸⁷. С 1742 г. он проживал в Москве, являясь членом Коллегии иностранных дел. Именно Гольдбах по заданию Бестужева еще в 1742 г. сумел раскрыть шифр, которым пользовались Шетарди и д'Алион в своей деловой и личной переписке⁸⁸.

С тех пор Бестужев был в курсе всех дел и замыслов французского дипломата. Собрав достаточный компрометирующий материал (69 выписок из перлюстрированной корреспонденции Шетарди), вице-канцлер предъявил его императрице. Всегда защищавшая своего любимца Елизавета весьма неохотно согласилась ознакомиться с "экстрактом" из писем маркиза, адресованных министру иностранных дел Амело, друзьям во Франции и в других странах⁸⁹. По мере чтения равнодушие императрицы сменилось раздражением, которое переросло в подлинное негодование, когда дело дошло до пассажей, относящихся непосредственно к ней. Из переписки выяснилось, что маркиз стоит в центре заговора, направленного против ее правительства и проводимой им политики. Но что более всего ранило самолюбие Елизаветы, так это весьма нелестные отзывы Шетарди о ней как о

⁸⁶ ААЕ, Correspondance politique. Russie. 1744, v. 44, fol. 17 recto verso.

⁸⁷ См. Юшкевич А.П., Копелевич Ю.Х. Христиан Гольдбах. М., 1983.

⁸⁸ АВПРИ, ф. 6. Секретнейшие дела (перлюстрации), оп.1. 1742 г., д. 1, л. 167, 168, 169, 170, 171, 172–172 об.

⁸⁹ Там же, 1744 г., д. 20, л. 1–8 об.

государыне и о женщине. А ведь Елизавета считала льстившего ей маркиза своим другом и даже восторженным поклонником. Сколько раз она ограждала его от придирок и нападок Бестужева и как жестоко была наказана за свою доверчивость!

“Слабость сей государыни, во всяком случае, довольно доказывается, – читала о себе возмущенная Елизавета Петровна, – и такую она ленью к делам имеет, что для избежания труда думать [самой] она лучше любит мнение ее министров принимать”. В другом месте Шетарди говорил о “сладострастной летаргии и плотских похотях”, в которые погрузилась царица, о “настоящей ненависти” ее “ко всем делам”, о “нетвердости мыслей” и “непостоянстве”, что мешает иметь с ней “серьезный разговор”. Елизавета Петровна узнала из переписки маркиза, что, оказывается, она “никогда не размышляет”. “Какой благодарности и внимания можно ожидать от такой легкомысленной и рассеянной государыни?” – вопрошал Шетарди в послании Амело. И своему знакомому, генералу Тейлю, маркиз тоже не преминул поведать о “слабости царицы, ее ненависти ко всякому делу”. А в одном из расшифрованных писем он прямо сообщал о планах смещения Бестужева-Рюмина: “Пункт о низвержении вице-канцлера еще в состояние не приведен, но мы много надеемся”.

Обычно великодушная и снисходительная, но теперь глубоко оскорбленная в своих лучших чувствах Елизавета потребовала немедленной высылки французского посланника за пределы империи. Тот факт, что Шетарди за полгода пребывания в России так и не удосужился вручить свои верительные грамоты, надеясь сначала убрать Бестужева, освобождал императрицу и Коллегию иностранных дел от лишних формальностей. Шетарди фактически был частным лицом, иностранным путешественником, нарушившим правила гостеприимства и законы Российской империи.

На рассвете 17(6) июня 1744 г. в дом маркиза в Москве, куда он прибыл, следуя за двором, явился сам грозный начальник Тайной канцелярии генерал Андрей Иванович Ушаков в сопровождении князя Петра Голицына и трех чиновников Иностранной коллегии – Веселовского, Неплюева и Курбатова. Поднятому с постели Шетарди была зачитана “Записка”, составленная по указанию императрицы вице-канцлером и предписывавшая “французских войск бригадиру маркизу де Ла Шетарди” в 24 часа выехать из Москвы и покинуть пределы империи, “ни с кем не прощаясь”⁹⁰. В “Записке” перечислялись его недружественные по отношению к императрице и ее правительству действия, не совместимые с интересами успешного развития русско-французских отношений и с той “дружбой”, которую императрица Всероссийская всегда испытывала к Христианнейшему королю Франции. Когда обескураженному маркизу начали зачитывать соответствующие выдержки из его писем, он прервал чтение словами: “Этого достаточно”.

Как докладывал императрице поутру генерал Ушаков, Шетарди сокрушенно сказал, что ему “остается только исполнить волю Ее Императорского Величества; и хотя он сожалеет о принятой Ее Величеством об нем резолюции, но когда она принята, то он с благодарением чувствует ту милость, с каковою Ее Величество ему соизволение свое объявить повелеть соизволила”⁹¹. В своем рапорте Ушаков от себя прибавил: “При происшествии всего вышеписанного явно было, что он, Шетардий, сколь скоро генерала Ушакова увидел, то он в лице переменялся. При прочтении экстракта столь конфузен был, что ни слова в оправдание свое сказать или что-либо прекословить не мог. На оригиналы только взглянул и, увидя свою руку, ниже больше смотреть не хотел, будучи при всем том весьма смущен, и образ лица его, також и нескончаемые речи и дрожащий голос его, показуя его вину и робость, чтоб иногда больше с ним учинено не было, как то последние его, Шетардия, подчеркнутые слова скажут. Яко же и видно было, что тяжчайшего с ним поступка, по вине своей, ожидал”⁹².

⁹⁰ Оригинал “Записки” сохранился в Архиве министерства иностранных дел Франции. См. ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1744, v. 44, fol. 39–40 recto verso. Копию “Записки” см. АВПРИ, ф. 93/1. Сношения России с Францией. 1744 г., д. 2, л. 83–84 об.

⁹¹ Соловьев С.М. Указ соч., кн. XI, т. 21, с. 263.

⁹² Цит. по: Мартенс Ф. Указ. соч., т. XIII, с. 80.

Уже к вечеру того же дня маркиз, сопровождаемый конвоем из 15 солдат под командой лейб-гвардии подпоручика Измайлова, выехал из Москвы. Через несколько дней вслед был послан нарочный с высочайшим указом о лишении Шетарди пожалованного ему ордена св. Андрея Первозванного, который он должен был вернуть вместе с подаренным в первый его приезд миниатюрным портретом императрицы в драгоценном обрамлении. Поначалу Шетарди отказался подчиниться, но под угрозой применения силы вынужден был вернуть и орден, и портрет. Маркиз горячился и, размахивая перед рижским вице-губернатором князем Долгоруким своими верительными грамотами, прокричал, что уж не принимают ли его здесь за арестанта? Долгорукий спокойно ответил, что “об аресте его, Шетардия, указа не имеет, а его самого никем иным, кроме как бригадиром французским, не признает”, и потому, дескать, незачем размахивать своими “верючими грамотами”. Получив от маркиза требуемое, князь разрешил Шетарди и его спутникам следовать по указанному им маршруту до границы Российской империи⁹³.

Кроме того, в Париж с курьером был направлен именной рескрипт к российскому поверенному в делах при версальском дворе Г. Гроссу, которому поручалось довести до сведения Людовика XV все обстоятельства неблагоприятного поведения “бригадира де Ла Шетарди”, организовавшего в Петербурге антиправительственный заговор. В рескрипте особо подчеркивалось, что “непозволительно он персону Нашу в письмах своих поносил и облыгал”⁹⁴.

Надо сказать, что в Версале с самого начала были недовольны странным поведением своего посланника, предпочитавшего оставаться в России на положении частного лица. Там даже подумывали о замене Шетарди на более подходящую кандидатуру. В перехваченном русскими агентами письме французского министерства иностранных дел от 21 мая 1744 г., в частности, говорилось: “Король убежден, что в том положении, в которое себя поставил месье де Ла Шетарди, он не сможет продолжать службу при государыне, поскольку не имеет возможности поговорить с ней и четверть часа, а с министром вообще не общается”⁹⁵.

Правда, в российском посольстве в Париже склонны были думать, что поведение Шетарди согласовано с министерством. Гросс, временно замещавший заболевшего Кантемира во главе миссии, сообщал в Петербург, что тактика, избранная Шетарди, полностью отвечает желанию версальского кабинета как можно дороже продать признание за Елизаветой Петровной ее императорского титула. Не случайно, считал Гросс, французские министры упорно отказываются сообщить, проставлен ли в верительных грамотах Шетарди требуемый титул, как и то, почему маркиз так долго уклоняется от их вручения. “Я давно уже уразумел, – писал Гросс Елизавете Петровне весной 1744 г., – что марки Шетардий имеет кредитивы с требуемым императорским титулом, но поскольку по приезде своем к высочайшему Вашему двору не приметил он всю желаемую склонность в министрах В.И. В-ва к вступлению в обязательства с здешним двором, то продолжает ожидать полезнейших себе диспозиций и кредитивными грамотами себя не легитимизирует для того, что двор французский титул императорский даром признавать не хочет”⁹⁶.

О неискренности версальского двора в отношении России еще до скандального выдворения Шетарди постоянно предупреждал и князь Кантемир. “Кто хочет в дело вступать с здешним двором, должен беспрестанно быть в предосторожности и со всех сторон опасаться какого-либо коварства”, – писал он императрице в феврале 1744 г.⁹⁷, в одном из своих последних донесений. 31 марта 1744 г. Антиох Дмитриевич Кантемир скончался от изнурительной хронической болезни, на фоне которой у него развилась чахотка. Он встретил смерть с твердостью христианина и достоинством философа. Князь успел распорядиться о разделе своего имущества между братьями и сестрой.

⁹³ АВПРИ, ф. 93/1. Сношения России с Францией. 1744 г., д. 2, л. 90–93 об.

⁹⁴ Там же, л. 81.

⁹⁵ ААЕ, Correspondance politique. Russie. 1744, v. 44, fol. 38.

⁹⁶ АВПРИ, ф. 93/1. Сношения России с Францией. 1744 г., д. 3, л. 148.

⁹⁷ Там же, л. 65–65 об.

Отдельным распоряжением он обеспечил средствами неофициальную жену-француженку и детей, которых прижил от нее в Париже. Согласно завещанию, тело князя Кантемира перевезли в Москву и похоронили в Николаевском греческом монастыре.

В Версале, вопреки ожиданиям Петербурга, весьма сдержанно отреагировали на высылку Шетарди из России, что само по себе подтверждало недовольство короля неумелыми действиями своего эмиссара. “Все благоразумные и особенно знатные французы, – сообщал Гросс императрице о реакции в Париже на известие о высылке Шетарди, – крайне хулят его, Шетарди, неоправданные поступки, а наипаче мерзкую его неблагодарность, восхваляя одновременно великую В.И. В-ва умеренность и атенцию к здешнему двору, от чего многие чают, что возврат в отечество Шетардию будет запрещен. Однакож, – продолжал временный поверенный, – есть и другие, которые... говорят, будто Шетардиево несчастье приписать должно проискам неприятелей французских, а именно посла Аглицкого”⁹⁸.

Так или иначе, но у британского посла в России лорда Тируоли были все основания радоваться отъезду Шетарди. “Я не имел покойной минуты, пока шло дело Шетарди, потому что поставлен был вопрос: кому победить – Англии или Франции?” – сообщал Тируоли в Лондон. Через 10 дней после выдворения маркиза из Москвы посол написал: “Главная цель наша теперь – продолжать подрыв, причиненный французским интересам высылкою Шетарди, и низложить окончательно французскую партию, особенно Лестока и Брюммера”⁹⁹. Цель эта осуществилась. Влияние французской (франко-прусской) партии при русском дворе было подорвано на долгие годы.

Гросс оказался прав в своем прогнозе. Людовик XV отказал Шетарди в аудиенции, не пожелав выслушивать его запоздалые оправдания. Он запретил маркизу появляться при дворе и даже останавливаться в Париже, приказав отправляться в ссылку в свое поместье. Одновременно был арестован секретарь Шетарди Дюпре, которого обвинили в передаче “цыфирных ключей”, т.е. шифра, английскому послу Тируоли. Дюпре, сопровождавшего Шетарди, арестовали в Меце, где маркиз ожидал королевских распоряжений о своей дальнейшей судьбе. Из Меца несчастного и, добавим, ни в чем не повинного Дюпре препроводили в Париж и поместили в Бастилию, где над ним началось следствие¹⁰⁰. В секретной службе короля не могли поверить, что “русские варвары” способны самостоятельно разгадать хитроумный дипломатический шифр, которым пользовался Шетарди. Более вероятной казалась версия о британских происках. Для того чтобы убедиться в ее несостоятельности, следствию потребовался без малого год, и только тогда Дюпре наконец вышел на свободу.

Шетарди находился в опале до мая 1745 г., когда ему было дозволено искупить грехи на поле боя. Бригадир де Ла Шетарди отправился в действующую армию в Италию. В сентябре того же года он даже получил генеральский чин, а в 1749 г. Людовик XV назначил его своим посланником в Турине. Казалось бы, судьба вновь повернулась лицом к нашему герою, но он опять упустил предоставленный ему шанс. В 1751 г. Шетарди отошли с его поста по требованию сардинского короля, который обвинил французского посланника во вмешательстве во внутренние дела королевства. В действительности король уличил Шетарди в интимной связи со своей фавориткой, маркизой де Сен-Жермен.

Маркиз вновь вернулся в армию, затем принимал участие в Семилетней войне и вдруг в 1758 г., будучи начальником гарнизона захваченной французами крепости Ганау в Германии, неожиданно умер.

Так завершилась полная приключений, взлетов и падений жизнь маркиза де Ла Шетарди, оставившего своеобразный след в истории России елизаветинской эпохи. Можно лишь добавить, что скандальная история с посольством Шетарди имела следствием резкое охлаждение в отношениях между Россией и Францией, продолжавшееся более 10 лет, вплоть до начала Семилетней войны в 1756 г.

⁹⁸ Реляция Гросса от 19(8) июля 1744 г. – Там же, л. 414–414 об.

⁹⁹ Цит. по: *Соловьев С.М.* Указ соч., кн. XI, т. 21, с. 263–264.

¹⁰⁰ См. донесения Гросса от 1 октября (20) сентября и 22(11) октября 1744 г. – АВПРИ, ф. 93/1. Сношения России с Францией. 1744 г., д. 3, л. 522, 543 об.